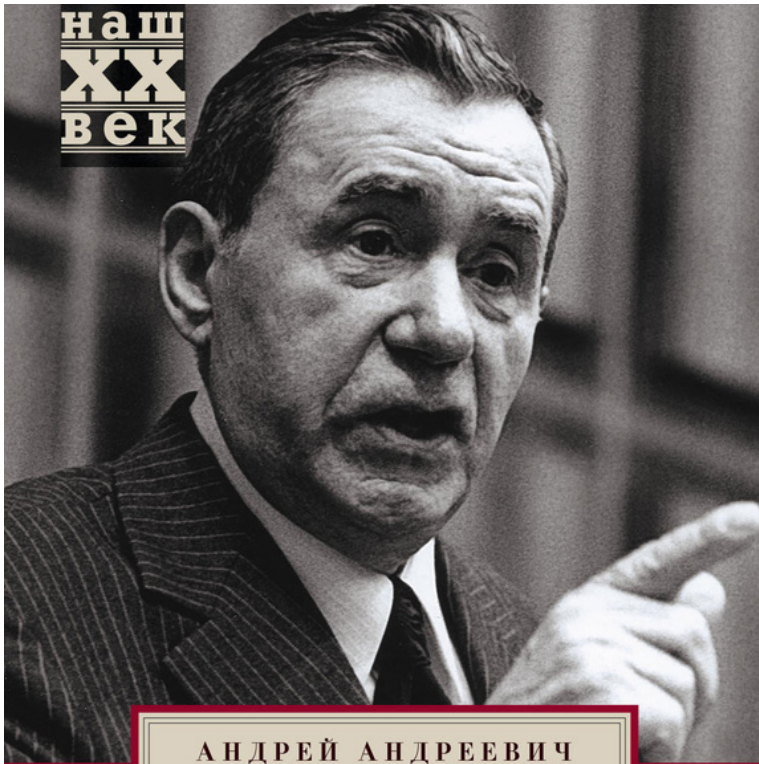

наш
XX
век

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

ГРОМЫКО

ПАМЯТНОЕ
ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Андрей Андреевич Громыко

Памятное. Испытание временем. Книга 2

Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9826646
Памятное. Испытание временем. Кн. 2 / Громыко, А.А.:
Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05722-8

Аннотация

Книга воспоминаний члена политбюро ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко охватывает более полувека. Автор рассказывает об исторических событиях, свидетелем или участником которых ему довелось быть, о странах, где он работал, о встречах с государственными и общественными деятелями, с крупными учеными и работниками культуры. Автор размышляет о проблемах войны и мира, об «американском направлении» советской внешней политики, о дипломатическом искусстве, о встречах с выдающимися мастерами советской культуры.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Глава 1	4
Заглядывая в старину	10
Посланец из прошлого	15
Шарль де Голль	21
Де Голль и Рузвельт	31
«Франция выполнит свой долг»	36
Помпиду в Заславле и Пицунде	42
Три слова	49
Президент за штурвалом вертолета	55
Лидер французских социалистов	59
Факты из биографии Ролана Дюма	63
Шедевры Лувра	65
Пикассо рассуждает	70
Версаль и дом на улице Гренель	77
В замке Мальмезон	80
Франция помнит Анну Ярославну	84
Петр I в Париже	94
Провинциальная «Бастилия» и Компьень	97
Слово, с которым француз неразлучен	100
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Андрей Андреевич Громыко

Памятное. Испытание временем. Книга 2

Издательство благодарит за помощь в издании книги Эмилию Андреевну Громыко-Пирадову, Анатолия Андреевича Громыко, Алексея Анатольевича Громыко

Глава 1

Европа – старый и вечно новый дом

Наш континент часто называют «старушкой Европой». Но это как посмотреть на «старушку»! Да, может, она не такая уж и «старушка». По сравнению с очагами древних цивилизаций – Шумером, Египтом, Вавилоном – она не «старушка». А кто знает, что может еще преподнести в будущем подземная книга истории – археология? Европа и старая, и всегда молодая.

Разве не с Европейского континента летели в мир пере-

довые идеи, которые пришли в голову лучшим людям разных эпох? Идеи свободы, равенства и братства, основательно всколыхнувшие Европу, появились на свет здесь. Могучее учение марксизма родилось в Европе. Величайшие социальные изменения, знаменующие собой начало новой эры в развитии человечества, произошли тоже в Европе.

Много катаклизмов пережила старая и вечно молодая Европа. Ее история – это неисчерпаемый клад для науки. Любой отрезок времени по насыщенности событиями и фактами – и большими, и менее значительными – является захватывающим. С огромным интересом во время работы над этой книгой я вновь проходил по ступеням лестницы примерно полувековой протяженности.

В послевоенный период, включая годы, когда над Европой сгустились тучи холодной войны, советское руководство не раз задумывалось над тем, как предотвратить опасность возникновения здесь новой войны, создать надежные условия для мирного сотрудничества государств континента. Что требуется для того, чтобы Европа с ее богатой культурой и огромным политическим опытом, прошедшая горнило двух мировых войн, смогла обрести надежные гарантии и оградить себя от военных столкновений?

Любой здравомыслящий человек не может не осознавать тот факт, что прочный мир на земле должен основываться на признании и уважении политико-территориальных реальностей, которые сложились на континенте в итоге Второй ми-

ровой войны. Советский Союз всегда исходил и исходит из этой непреложной истины.

Известно, что ныне ряд европейских государств живет в иных границах, чем до войны. Послевоенные границы, в том числе граница по Одеру – Нейсе, явились результатом борьбы против фашистских агрессоров.

Это – справедливые границы. Их законность и обязательность уважения всеми основываются на Ялтинском и Потсдамском соглашениях, представляющих собой исторические по своему значению международно-правовые акты, а также на ряде других договоров, заключенных между заинтересованными государствами.

Незыблемость послевоенных границ является коренным вопросом обеспечения безопасности в Европе. Позиция в этом вопросе – важнейший показатель того, какова политика тех или иных государств в европейских делах и насколько их заявления в пользу мира отвечают действительным намерениям.

Что касается СССР и его союзников по Варшавскому договору, то они придерживаются определенной точки зрения. Границы европейских государств – на востоке или на западе, на севере или на юге – неприкосновенны.

Решать задачу обеспечения безопасности и развития мирного сотрудничества в Европе можно только сообща, усилиями социалистических и капиталистических государств, как входящих в группировки, так и не входящих в них. Обста-

новка для этого созрела, когда в развитии отношений между государствами произошел поворот от конфронтации и холодной войны к разрядке международной напряженности.

Идея объединения усилий государств в пользу развития мирного сотрудничества в Европе реализовалась в новых условиях в предложении Советского Союза и других социалистических стран о проведении общеевропейского совещания. Отнюдь не легко прокладывался путь к его созыву. И все же настойчивая борьба за осуществление этой инициативы увенчалась успехом – встречей в Хельсинки на высшем уровне представителей тридцати трех европейских стран, США и Канады и подписанием 1 августа 1975 года Заключительного акта, закрепляющего коллективную договоренность по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе.

Совещание подвело черту под Второй мировой войной, подтвердило нерушимость сложившихся в Европе границ, зафиксировало в своем Заключительном акте основные принципы мирных взаимоотношений между государствами.

Заключительный акт живет, сохраняет силу и в нынешний период, когда заметно осложнилась политическая обстановка в Европе, да и в мире в целом, что является прямым следствием курса политики США и стран НАТО.

Положительный исход завершившихся Белградской и Мадридской встреч представителей государств – участников совещания в Хельсинки представляет собой большое дости-

жение той линии в международных делах, которая направлена на диалог, на урегулирование проблем за столом переговоров.

Мы всегда считали и считаем, что в подходе к проблеме безопасности на Европейском континенте нужна сугубая осмотрительность. Здесь лицом к лицу стоят две самые мощные группировки государств – Варшавского договора и НАТО. Поэтому нельзя считать лишним ни один шаг, ведущий к снижению напряженности в Европе и к поддержанию мирных отношений между государствами.

Политика СССР и его союзников в европейских делах получила выражение в ряде их предложений. Напомню, в частности, об инициативах относительно нерасширения круга участников Организации Варшавского договора и НАТО, одновременного роспуска обоих этих союзов и в качестве первого шага – ликвидации их военных организаций.

Особо следует подчеркнуть совместное предложение социалистических стран заключить договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами Варшавского договора и Североатлантического союза, между всеми участниками общеевропейского совещания. Обязательство не применять никакого оружия – ни ядерного, ни обычного, не применять силу вообще помогло бы снять взаимные опасения и недоверие. Эта инициатива, представленная на рассмотрение стокгольмской Конференции по мерам укрепления доверия, без-

опасности и разоружению в Европе, все отчетливее выдвигается на передний план европейской и мировой политики.

Позиция Советского Союза и других социалистических стран, будь то на форуме в Стокгольме или вне его рамок, основывается на признании исключительной важности: сохранить и упрочить общеевропейский процесс, начатый в Хельсинки подписанием Заключительного акта.

Заглядывая в старину

В общем комплексе европейской и международной политики СССР отношения с Францией всегда занимали и занимают видное место. История связей между нашими странами насыщена разными, порой неоднозначными событиями. И это не в малой степени объясняется тем, что во Франции и в России боролись между собой две линии: с одной стороны, ощущение и понимание сродства, а временами и общности международных интересов двух держав, с другой – взаимные опасения и даже вражда.

Конечно, политика России в конце XVIII века по отношению к Франции якобинцев, Франции Робеспьера – тоже часть истории отношений между двумя державами. Россия тогда не пошла с мечом на Великую французскую революцию. Тем не менее державный абсолютизм Екатерины II не только слал проклятия на головы французских революционеров, не только преследовал свободомыслие в собственной стране, но и активно участвовал в борьбе против «этой французской моды»¹, которая грозит «превратиться в эпидемию», как язвила царица.

При участии царского посла в Париже И.М. Симолина контрреволюция организовала заговор, чтобы содействовать

¹ *Екатерина II. Lettres au prince de Ligne. Bruxelles, 1924. P. 128 (письмо от августа 1790 г.). (Здесь и далее примеч. авт.)*

бегству короля. Посол даже передал семье монарха российские паспорта на имя вдовы полковника русской армии баронессы Корф и сопровождавших ее лиц. С этими паспортами Людовик XVI и его семья пытались бежать за рубеж, но в городке Варение их арестовали.

В ответ на казнь Людовика XVI Екатерина II выслала французов из России, исключая тех, которые «под присягою отrekliся от революционных правил, во Франции распространившихся»².

Книги, журналы, газеты, присылавшиеся из Парижа, изымались еще на пограничных таможнях и сжигались. В ряде учебных заведений было запрещено даже изучение французского языка.

И все же вести о событиях Великой французской революции, несмотря на то что самодержавие их всячески замалчивало, доходили до масс. Революционные по тому времени идеи вызвали сочувствие как у передовой разночинной интеллигенции России, так и у прогрессивно настроенной части дворянства.

Небывалым масштабом для той эпохи отличалось столкновение между Францией и Россией в 1812 году. Но нашествие «великой армии» Наполеона окончилось бесславно. Обескровленный в этой смертельной схватке на просторах России, наполеоновский орел уже не смог расправить кры-

² Указ № 17101. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 23. С. 402–404.

лья. Вскоре он рухнул, окончательно поверженный на полях Ватерлоо. Судьба безжалостно, но по заслугам наказала французского императора.

Через четыре десятилетия после авантюры Наполеона произошло военное столкновение, известное как Крымская война, и снова французские солдаты, теперь уже совместно с англичанами и турками, появились на нашей земле, на этот раз под Севастополем. А примерно через шестьдесят лет после нее – опять интервенция Франции, тоже совместно с другими державами, против молодой Советской республики.

Прочно в историю вписано то, что Франция, точнее, ее правящие круги занимали до Второй мировой войны враждебную позицию по отношению к Стране Советов. В двадцатых – тридцатых годах Франция задавала тон, можно сказать, дирижировала оркестром государств, проводивших антисоветскую политику.

Вместе с тем обе страны не раз сражались в одном строю против общих врагов, например, в годы двух мировых войн.

После великой Победы вопрос о советско-французских отношениях требовал осмысления с учетом не только событий отдаленного прошлого, но и уроков минувшей войны. Жизнь прежде всего заставила посмотреть на то, что влекли за собой конфликты между двумя крупными странами.

Погибла империя Наполеона, оказавшегося неспособным оценить потенциальную силу великой страны на Востоке, патриотизм ее народа. Этот наглядный пример подтвержда-

ет, что стратегия военная и стратегия в политике – не одно и то же.

Наполеону, конечно, не могли помочь ни вероломство в политике с использованием лисьей хитрости Талейрана, ни театральная встреча с русским императором на плоту. Река Неман оказалась свидетельницей провала хитроумной, но основанной на иллюзиях затеи создать видимость поисков соглашений, в то время как в действительности достижение их вовсе не входило в расчеты завоевателя в треуголке.

Еще более разительным примером подобного рода стратегического просчета явилась политика правящих кругов Франции тридцатых годов, приведших страну к тому, что она стала одной из первых жертв гитлеровской агрессии. Французский народ испытал глубокое потрясение случившимся.

Потрясен был и советский народ. Он помнил об этом и в канун Великой Отечественной войны, когда становилось все более ясным, что пламя военного пожара вот-вот перекинется и на СССР, и после победы над фашистским агрессором. Уроки Второй мировой войны и всего того, что ей предшествовало, призывали обе страны к тому, чтобы они сотрудничали с целью предотвращения новой мировой трагедии.

Хочешь того или нет, но все эти мысли приходят в голову, когда готовишься к обсуждению с французскими государственными деятелями проблем, представляющих интерес для обеих стран. Конечно, представители Советского

государства, которым предстояло такое обсуждение, в том числе и я, всегда исходили из того, что история историей, но главное – искать и находить общий язык по проблемам предотвращения войны и укрепления мира.

СССР неизменно руководствуется этим, строя свои отношения с Францией, к народу которой советские люди питают глубокое уважение. Именно на такую волну всегда настраивал себя и я. А в государственных деятелях Франции, с которыми предстояли переговоры, видел достойных партнеров, представителей великой державы, страны высокой культуры и богатой истории.

Посланец из прошлого

Памятна для меня одна встреча с французским представителем, которая произошла в 1945 году в Вашингтоне, когда я находился там в качестве советского посла. Мне нанес визит прибывший в США Леон Блюм.

Он был заметной фигурой во Франции тридцатых годов. Апогей его политической деятельности приходился на 1936–1938 годы, когда Блюм с перерывом дважды возглавлял правительство Народного фронта. Политическая жизнь Франции в то время бурлила. Острые противоречия между рабочим классом и буржуазией, а также доносившееся до французов грозное дыхание надвигавшейся новой войны привели к тому, что в стране сформировали правительство, которое, если не считать период Парижской коммуны, вписало своей деятельностью особую, специфическую страницу в историю Франции. Его назвали правительством Народного фронта. Он возник в январе 1936 года на основе единого рабочего фронта, который французские коммунисты и социалисты создали несколько ранее.

Однако правительство Народного фронта находилось у власти не долго. Оно просуществовало всего лишь около двух лет. Его глава известный деятель Социалистической партии Блюм проявил себя как истинный правый социалист. Его непоследовательность, оппортунизм в политике и тру-

сость перед фашистской Германией, несомненно, облегчили Гитлеру задачу нанести Франции поражение в 1940 году. Бывшего главу правительства Народного фронта фашисты интернировали и отправили в Германию.

И вот тот самый Леон Блюм передо мной в советском посольстве в столице США.

– Я много читал о вас, – сказал я, – особенно о вашей деятельности во главе правительства Народного фронта.

Видимо, я высказался чересчур прямолинейно. Напоминание о Народном фронте, очевидно, собеседника не очень вдохновляло. Стало заметно, что ассоциации, связанные с событиями того времени, у него не положительные. Он не сказал ни слова о своих действиях в предвоенный период. Зато сразу же перевел разговор в другой ракурс. Блюм заявил:

– Прежде всего я хотел бы засвидетельствовать через советского посла свое уважение к великой стране Ленина, выстоявшей и одержавшей победу в борьбе против гитлеровской Германии.

Я ответил:

– Благодарю вас как француза и антифашиста за эти добрые слова.

Затем гость спросил:

– А вы представляете себе, какие грандиозные задачи стоят теперь перед Европой? И перед нашими странами?

И сам же стал отвечать на вопросы, рассказывая о величии

этих задач. Но о роли США он упоминал только мимоходом и без каких-либо похвал по адресу этой страны.

Зато на разный лад и несколько раз повторил:

– Нам надо налаживать дружеские франко-советские отношения. Это – главное для Европы.

Со своей стороны я сказал:

– Советский Союз всегда стремился поддерживать хорошие отношения с Францией, хотя она порой платила ему черной неблагодарностью. Вы помните эти времена.

Блюм не старался возражать против этого, возможно считая, что к французским социалистам это не относится.

– Вы, – заявил я далее, – конечно же хорошо помните, какую гигантскую борьбу вел Советский Союз на фронте политики и дипломатии за улучшение отношений с Францией, за предотвращение грозящей катастрофы. Мы призывали Европу и весь мир взглянуть правде в глаза, а тогда только слепые не видели, как лихорадочно Германия готовилась к войне. К великому сожалению, к нашему голосу не прислушались. А ведь мы обращались к французам и из Москвы, и с трибуны Лиги Наций. Но Париж тогда оставался невосприимчивым к этим призывам.

Блюм не дал ответа на это высказывание. И по всему чувствовалось, что напоминание о предвоенной грозовой поре ему просто не нравилось.

Расстались мы с собеседником на дружественной нотке с выражением надежды, что время нам, возможно, подготовит

дорогу к новым встречам.

Когда Блюм ушел, я попытался понять, что было главным в том, что он сказал мне в беседе. И пришел к выводу:

— А ведь главным, очевидно, являлось как раз то, о чем собеседник не говорил, а дал понять лишь косвенно. Он стремился показать, что как политическая фигура еще не списан в архив, что думает о налаживании отношений между СССР и Францией и желает, чтобы мы в Советском Союзе об этом знали.

Прошел год с небольшим, и в конце 1946 года Блюм вновь возглавил французское правительство. У власти он находился всего несколько недель. Если это правительство в чем-то себя и проявило, то разве лишь в том, что именно оно развязало жестокую войну в Индокитае, желая сохранить этот район в качестве колонии, хотя стрелки часов истории показывали уже иное время в развитии судеб народов Индокитая. Час пробил, и эти народы пошли по пути независимости и свободы.

К одному несмываемому пятну, довоенному, на политическом костюме Блюма прибавилось и другое, послевоенное. И на сей раз тоже относящееся к внешней политике Франции. Как будто какой-то злой рок опутал этого человека своей сетью, из которой он так и не смог выбраться.

Таким и запечатлелся в моей памяти этот французский деятель, никогда не понимавший и не понявший подлинного биения сердца Франции и ее народа.

Не могу не сказать об одном казусе, связанном с Блюмом, хотя он к тому времени уже умер.

Вскоре после того, как я возвратился в Москву из командировки в США и приступил к исполнению обязанностей первого заместителя министра иностранных дел СССР, мне довелось на одном из дипломатических приемов вдруг встретиться с... Блюмом. Он подошел и о чем-то заговорил со мной. Я в изумлении не удержался и спросил:

– Простите, с кем я разговариваю?

А про себя подумал: «Неужели информация о смерти Блюма была неверной и он сейчас стоит передо мной?»

Человек, к которому я обратился, видимо заметив мое удивление, спокойно признался:

– Господин Громыко, вы не первый, кто меня принимает за Леона Блюма. С такой путаницей я уже сталкивался не раз...

– Да, признаюсь, – мне пришлось сознаться, – я в самом деле собирался, заметьте – лишь собирался, принять вас за Блюма. Готов был даже потрянуть головой: не сон ли это?

– Нет, это не сон, – ответил мой собеседник. – Я не Блюм, хотя очень и очень похож на него. Моя фамилия Бишофф. Как видите, лишь первые буквы совпадают. Я – австрийский посол в Москве.

Конечно, ни к каким инцидентам это сходство не приводило. Посол Австрии в Москве Бишофф исправно выполнял в СССР свои обязанности. Человеком он оказался поло-

жительным, понимавшим значение добрых отношений его страны с Советским Союзом. В их развитие он внес и свой вклад.

А я впоследствии, глядя на него, всегда вспоминал Вашингтон 1945 года и сидящего в Красной гостиной советского посольства смущенного Леона Блюма, которому вдруг напомнили о его неудачливом правительстве Народного фронта.

Шарль де Голль

Бывает иногда такое в некоторых странах: политики вдруг прозревают после катастрофы, когда на полях сражений уже обильно пролилась кровь людей. Так произошло и после Второй мировой войны во Франции. Те, кто определял ее политику в отношении СССР, пришли к выводу, что с нашей страной, покрывшей себя немеркнувшей славой в битве с гитлеровской Германией, следует ладить и, более того, поддерживать добрые отношения.

Именно такую позицию занял выдающийся француз – Шарль де Голль, который, находясь в годы войны в эмиграции, официально возглавил французские силы Сопротивления. Франция де Голля пошла на заключение с Советским Союзом Договора о союзе и взаимной помощи. Правда, своей последующей политикой ее правительство фактически перечеркнуло этот договор. Во французских руководящих кругах верх взяла классовая солидарность с другими странами Запада, особенно когда Франция вступила в Североатлантический блок.

Во время пребывания в СССР в декабре 1944 года – тогда произошло подписание советско-французского договора – де Голль встречался со Сталиным. Впоследствии он вел беседы и с другими советскими руководящими деятелями, в том числе с Л.И. Брежневым, как в Москве во время визита

в 1966 году, так и в Париже.

Де Голль для своего времени являлся не только одним из выдающихся деятелей Франции, но и одним из наиболее прозорливых политиков Запада в целом. Этот человек сыграл видную роль в организации и развитии процесса разрядки. Де Голль осознавал объективную потребность в сближении Франции с Советским Союзом с учетом исторически сложившихся традиций в отношениях между двумя странами и создавшейся обстановки в Европе и в мире.

– Для Франции, – говорил де Голль, – Россия является собеседником, взаимопонимание и сотрудничество с которым естественны.

Мне довелось принять участие в установлении разностороннего сотрудничества между СССР и Францией. А ведь они стояли у истоков разрядки.

– Ветерок разрядки, – так мне пришлось характеризовать отношения между СССР и Францией в 1965 году во время визита в Париж в качестве министра иностранных дел.

В последующие годы этот «ветерок» набрал силу и превратился в благотворный ветер на поле Европы.

Определяющим в развитии комплекса советско-французского сотрудничества в те годы, да и позже служили политические отношения. Сильный импульс давали встречи и контакты на высшем уровне, в ходе которых решались актуальные вопросы двусторонних отношений, рассматривались узловые вопросы европейской и мировой политики.

Добротным фундаментом отношений стали такие двусторонние документы, как Советско-французский протокол 1970 года, «Принципы сотрудничества между Советским Союзом и Францией» 1971 года и другие. Значение этих документов состоит в том, что они и сегодня по-прежнему отвечают интересам советско-французского сотрудничества.

Много раз бывал я с визитами во Франции, участвовал практически во всех состоявшихся за последние два десятилетия советско-французских переговорах на высшем уровне, принимал в Москве министров иностранных дел Франции.

С удовлетворением вспоминаю о встречах и беседах с Шарлем де Голлем, Жоржем Помпиду, Валери Жискар д'Эстэном, Франсуа Миттераном, Жоржем Бидо, Пьером Мендес-Франсом, Морисом Кув де Мюрвилем, Мишелем Дебре, Пьером Моруа, Эдгаром Фором, Морисом Шуманом, Мишелем Жобером, Жаном Сованьяргом, Луи де Гиренго, Жаном Франсуа-Понсе, Клодом Шейсоном, Роланом Дюма, другими государственными и политическими деятелями Франции.

Не раз беседовал я с Морисом Торезом, Вальдеком Роше и, будучи с Л.И. Брежневым в Париже, с Жоржем Марше, а также с Жаком Дюкло и другими руководителями Французской коммунистической партии. Памятными были встречи в разное время с видными деятелями науки, культуры, искусства, представителями общественных и деловых кругов

Франции.

Важной является не только официальная, но и зачастую просто человеческая сторона этих контактов.

Мне довелось несколько раз встречаться с де Голлем. При встречах с ним иной раз приходила на ум странная ассоциация: во Франции, как иногда говорили французы, есть две вышки – Эйфелева башня и... де Голль. На протяжении почти двух десятков лет он как государственный деятель доминировал в политической жизни страны.

Конечно, де Голль не разделял прогрессивных взглядов на социальные проблемы. И во внешнеполитической области он с первых послевоенных лет включился в то течение, которое привело Францию в НАТО. И все же он имел в этом блоке свое собственное «я». Со свойственной ему манерой в политике он подтверждал такое свое положение не раз. На этой почве еще во время войны появилась известная отчужденность в отношениях де Голля с Рузвельтом, а в дальнейшем и с его преемниками.

Имел возможность я близко наблюдать де Голля во время переговоров и бесед. Не раз мне приходилось посещать Париж в качестве министра. Он всегда принимал меня в Елисейском дворце. Беседы обычно носили откровенный и благожелательный характер.

Де Голль умел обходить в разговоре острые углы. Он обладал завидной способностью не реагировать по существу на щекотливый, с его точки зрения, вопрос. Причем он так

строил ход своих рассуждений, что, оставаясь по существу при своем мнении, казалось, был склонен согласиться и с соображениями собеседника. В то же время нередко ощущалось, что настоящего согласия нет. В таких случаях де Голль обычно использовал спасительную формулу «все может быть».

Помню, как однажды на проявленный с моей стороны интерес к вопросу о возможности для Франции и СССР пойти на заключение политического договора, который послужил бы делу мира в Европе, он ответил:

– В советско-французских отношениях все возможно.

Другой собеседник мог бы порассуждать о том, созрели ли условия для договора или не созрели. А де Голль, я бы сказал, по-французски изящно ушел от определенного ответа, не сказав ни да ни нет.

Де Голль был хорошим оратором. Выступая на официальных обедах и завтраках, он говорил гладко и при этом почти никогда не прибегал к письменному тексту. Это производило впечатление. Но близкие к де Голлю люди рассказывали, что он без особого труда заучивал речи, написанные заранее. Памятью он обладал феноменальной. И этот прием ему вполне удавался.

В первые послевоенные годы распространилось мнение, что де Голль – человек малодоступный, что с ним трудно разговаривать, что в качестве собеседника ему нужен партнер только с солидным положением и известный в обществе. Та-

кое мнение бытовало и в США, даже можно сказать, особенно в этой стране. Определенное объяснение тому нетрудно найти. В отношениях между Белым домом и Елисейским дворцом не было необходимой теплоты, что передавалось и прессе. Потому нередко в американских газетах, когда упоминалось имя де Голля, присутствовал налет довольно язвительного юмора.

Такое мнение о французском генерале не отражало действительности. Разборчивость де Голля в контактах, в определении собеседников отражала не жесткость или сухость его характера, не стремление ограничить себя встречами с определенными людьми, особенно из числа политической элиты, а взвешенность – и не больше.

Неоднократно многие политические деятели Франции и журналисты в беседах с нами подчеркивали контактность как черту его характера и готовность поддерживать связи с широким спектром представителей общественности, журналистами, не говоря уже о деятелях из сферы внутренней и внешней политики.

Верно лишь то, что по складу темперамента, манере держаться перед публикой и представителями прессы ему не свойственны были такие приемы, как похлопывание по плечу, повторение каких-то афоризмов и заезженных изречений, чем иногда грешит тот, у кого нет необходимого знания предмета беседы.

Даже сейчас, когда я пишу эти строки, перед мысленным

взором возникает высокий человек, с солидной, всегда неторопливой, несколько торжественной походкой, а те, кто его окружают, уважительно уступают ему дорогу. В жизни все это выглядело естественным и ничуть не наигранным. Люди его знали и принимали таким, каким он был.

На моих глазах он мог, если ход переговоров того требовал, в самых изысканных выражениях высказать свою мысль. Умел свою собственную позицию преподнести самым изящным образом. Все это давалось ему без труда. Другие французы часто удивлялись такой его способности.

Но мог он и прибегать к жестким, даже резким выражениям, если считал это необходимым. Возможно, он учитывал, что его партнеры настроены так, что простят даже дерзость.

Однажды не только я, но и другие участники беседы были крайне удивлены его резкостью по адресу ГДР. Де Голль со своей делегацией сидел по одну сторону стола в Екатерининском зале Кремля. Советская делегация во главе с Брежневым находилась по другую сторону. Де Голль излагал свою позицию и вдруг назвал ГДР «советской марионеткой». Это выражение ворвалось в его речь неожиданно, да и прозвучало диссонансом с общим направлением мыслей французского президента. А после такого заявления де Голль хорошо и дружелюбно высказался по вопросам советско-французских отношений.

С советской стороны был дан соответствующий ответ в защиту ГДР. Де Голлю заявили, что Советский Союз отно-

сится к ГДР как к независимому суверенному государству. Полемику по этому поводу ни он, ни наша сторона не стали затевать.

Конечно, при оценке роли де Голля, особенно в развитии советско-французских отношений, всегда необходимо иметь в виду, что этот деятель был сложным. В социальном отношении он представлял весьма влиятельные круги французской буржуазии, причем далеко не самые либеральные. Следует об этом помнить и при оценке его места и роли как в определении внешней политики Франции, так и в развитии советско-французских отношений.

Имя де Голля по праву занимает видное место в созвездии великих имен Франции. Однако настоящая его могила находится далеко от французской столицы, на скромном кладбище поселка Коломбе, что в провинции Шампань. До Парижа оттуда, от предгорьев Альп, двести пятьдесят километров.

Да, это то самое Коломбе-ле-Дез-Эглиз, где генерал любил бывать каждый раз, когда у него выдавалось свободное время, если удалялся из Парижа надолго. А ведь случалось, что проводил он здесь годы...

Тут сходятся территории Шампани, Лотарингии, Бургундии. На этих полях и холмах когда-то имело место немало сражений, погибло много французов. Проходили тут когда-то римляне, а прапращуры сегодняшних французов – галлы остановили Аттилу. Видела эта земля и мушкетеров короля, и санкюлотов.

Коломбе-ле-Дез-Эглиз... Если перевести на русский, то получится «Коломбе двух церквей». Одна – еще с XIV века – монастырь Святого Батиста. Через сто лет появилась вторая. Эту, вторую перестроили в XVIII веке, она существует и поныне. Генерал по воскресеньям ходил туда на мессу. А монастырь разрушен, от него остались только развалины.

Жил он здесь с семьей в небольшом двухэтажном доме, к которому пристроил шестиугольную башню с невысоким конусом. Чем не подобие старинного французского замка?

Называл он свою резиденцию «Буассери» – что в примерном переводе значит «Дом с деревянной обшивкой стен». В башне находился его кабинет. Там он подолгу сиживал в раздумье, писал мемуары. Бурная жизнь и затем тихое уединение – тема, достойная пера поэта.

В отличие от Черчилля, который для написания мемуаров привлёк солидный штат литературных и научных сотрудников и создавал свои «воспоминания» быстро – том за томом, – де Голль тщательно писал и переписывал свою рукопись сам. Документы ему помогал подбирать сотрудник министерства иностранных дел Рене Тибодо.

А переговоры с издательством от имени генерала вел верный помощник, сотрудничавший с ним в течение многих лет, специалист-филолог Жорж Помпиду, который после де Голля в 1969 году стал президентом Франции.

Де Голль стремился сделать свои мемуары не только политическим, но и литературным произведением. Что ж, он в

этом преуспел. Его спрашивали:

– Как вам, не писателю, это удастся?

– Это попытка, – отвечал он. – Надо вымучить из себя три листа черновиков, чтобы написать одну страницу. Моя дочь Элизабет печатает их на машинке, и я исправляю текст еще трижды. В сущности, я без конца переделываю. Поверьте мне, это страшная работа.

Автор самым тщательным образом работал над рукописью и не прекращал этой работы даже в гранках, когда получал оттиски набора. Он проявлял исключительное внимание к литературной форме и стилю, стремился, чтобы в его труде чувствовалась гармоническая завершенность. Взяв пример с классиков, он предпочитал заголовки из одного слова. Вот названия трех томов его мемуаров: «Призыв», «Единство» и «Спасение». Мемуары де Голля были мне присланы и дополнили мою домашнюю библиотеку.

Он любил свое Коломбе. Потому и завещал похоронить себя здесь, на тихом местном кладбище. Шарль Андре Жозеф Мари де Голль – именно таким было полное имя генерала – навсегда останется в памяти тех, кто его знал.

Де Голль и Рузвельт

Несмотря на мои попытки выяснить, в чем причина тех довольно прохладных отношений, которые сложились у Рузвельта с де Голлем, ничего из этого долго не получалось. Не раз я пытался выяснить существо их отчужденности у некоторых американских государственных деятелей, еще до кончины Рузвельта. Нелегко было получить убедительный ответ на данный вопрос.

Но вот как-то мне представился случай откровенно поговорить с Государственным секретарем США Стеттиниусом. Задал я тот же вопрос ему. Он неожиданно довольно прямолинейно стал рассуждать:

– Генерал де Голль – человек амбициозный. Он думает, что судьба Франции будет определяться только им. Согласно донесениям американских послов из некоторых стран Европы, особенно из Англии, где находится де Голль, генерал считает почти наверняка, что ключевой фигурой послевоенной Франции будет он. Конечно, дело французов выбирать своих лидеров. Ни один американец не думает по-другому, в том числе и президент США. Но похоже, что де Голль больше внимания уделяет именно своему будущему положению, чем увеличению вклада французов в ускорение нашей общей победы над Гитлером. Де Голль – фактически генерал без армии, хотя его имя среди соотечественников обладает

определенной притягательной силой.

Такая откровенная критика генерала сражающейся Франции – нашей союзницы в войне, да еще из уст высокого официального представителя США, конечно, настораживала.

– Похоже на то, – продолжал Стеттиниус, – что генерал все же переоценивает свое влияние на Францию и тех французов, которые ведут доступными им средствами борьбу против гитлеровских оккупантов. Кроме того, Франция, как и многие страны Европы, вообще не может быстро по-настоящему встать на ноги без помощи США. За годы оккупации ее промышленность оказалась парализованной. Спрашивается, при чьей помощи она может быть возрождена? Не надеяться же в этом на де Голля. Англия тоже не в состоянии оказать какое-либо эффективное содействие в восстановлении экономики Франции. Она сама сильно изранена, и потребуется время, чтобы выправить ее хозяйство и настроить его на мирный лад.

Помолчав, он продолжал:

– Единственная страна, которая может оказать реальное содействие французам в налаживании мирной жизни, – это США. Никаких планов экономического подчинения Франции у Соединенных Штатов нет. На все это я, как человек, пришедший в политику из большого бизнеса, смотрю реалистически.

Мне часто доводилось беседовать со Стеттиниусом, но в этот раз степень его откровенности превзошла ожидания.

– Конечно, оказывая помощь Франции, – утверждал он, – США будут на эту европейскую страну переключать часть своих ресурсов, причем значительную. Ну и что же? То, что мы станем посылать, пойдет туда не просто как подарок. В конечном счете, если учесть и политическую сторону проблемы, выгода окажется взаимной.

Хотя война еще не закончилась, но в рассуждениях Стеттиниуса по этой проблеме уже проступали ростки будущего «плана Маршалла», который с самого начала своего действия приносил США прямые дивиденды, не только политические, но и экономические.

– Кроме того, ведь США вынуждены будут помогать и некоторым другим государствам Европы после победы над Германией, – говорил Стеттиниус. – В Вашингтоне, конечно, отдают себе отчет в том, что Советский Союз, несущий основное бремя борьбы против фашизма, тоже хотел бы завоевать расположение французов. Но ведь ему предстоит колоссальный объем своих дел. Он должен будет поднимать из руин собственное хозяйство, которому нанесен неслыханный урон. Но один он все это, наверно, не в состоянии сделать. Одним словом, у Вашингтона нет каких-либо возражений против де Голля и против того, чтобы он был во главе государства. Но он не должен слишком выпячивать свое положение, принижая роль США.

Тут я напомнил Стеттиниусу о твердых обещаниях США и Англии открыть второй фронт и задал в связи с этим во-

прос:

– Каждый француз знает, что национальная свобода для его страны может быть результатом успехов прежде всего Советского Союза, его армии. Наверно, в оккупированной Франции гадают, с какой стороны придет свобода в Европу и кто ее принесет. Советские люди ценят все, что делают США и другие союзники для оказания помощи Советскому Союзу в войне. Но ведь второго фронта, о необходимости которого мы постоянно говорим и твердые обещания открыть который вы уже давно дали, еще нет. Когда же вы и Англия начнете высадку своих войск в Европе?

Стеттиниус пустился в рассуждения:

– С точки зрения положения, которое существует сегодня, логика советской позиции безупречна. Но открытие второго фронта не за горами. Час, когда наши силы высадятся на Европейском континенте, приближается. Через какое-то время роль союзных западных держав будет видна еще более четко.

Я спросил Государственного секретаря:

– Каково ваше мнение о позиции Англии относительно того, что вы называли амбициями де Голля?

Он ответил:

– Де Голль в Англии в общем прижился. Но Лондон, конечно, не может не считаться с позицией Вашингтона.

Резюмируя сказанное, Стеттиниус заявил:

– После Сталинграда и после явного перелома в войне в пользу союзников вопрос о Франции, в конце концов, не бу-

дет основным.

Таким образом, своими рассуждениями Стеттиниус в ходе беседы подтвердил, что прохладное отношение администрации США, прежде всего самого Рузвельта, к де Голлю было связано с ожидаемой ситуацией, которая может сложиться во Франции и вокруг нее после окончания войны. Известно, что последующие события полностью не устранили холодок в отношениях между Вашингтоном и Парижем, хотя после окончания войны они стали ровнее.

На конференции в Сан-Франциско, где создавалась ООН, Франция уже не дистанцировалась от США. Хотя она неплохо сотрудничала по основным вопросам на конференции и с Советским Союзом. Политический баланс сил на конференции, в конечном счете, складывался даже в более выгодном плане для Советского Союза, чем для США. Ибо надо было утверждать принцип единогласия пяти держав – постоянных членов Совета Безопасности. Известно, что этот принцип удалось отстоять. Он вошел в историю как «право вето» и получил полное отражение в Уставе ООН. Франция в это внесла положительный вклад.

«Франция выполнит свой долг»

С удовлетворением вспоминаю о встречах и беседах с крупным государственным деятелем Франции Кув де Мюрвилем, который при де Голле в течение десяти лет был министром иностранных дел (1958–1968), затем короткое время занимал пост премьер-министра (1968–1969). В 1966 году он сопровождал президента де Голля в его официальной поездке в СССР, а годом раньше приезжал в нашу страну с официальным визитом в качестве министра иностранных дел. Как близкий к де Голлю человек, он, несомненно, разделял и его взгляды на развитие советско-французских отношений.

Заслуживает того, чтобы его выделить, и такой сподвижник де Голля, как Андре Мальро. Этот деятель стал заметной фигурой на политической арене Франции в послевоенное время. Он входил в состав первого правительства Шарля де Голля (1944–1946) в качестве руководителя пропагандистских служб голлистской партии, а в 1959–1969 годах занимал пост министра культуры.

Не так уж часто у выдающихся деятелей культуры их естественное призвание сочетается с политикой в прямом смысле этого слова. Крупный политический пост в правительстве и призвание, скажем, литератора, художника, композитора, артиста – явление не частое во все времена. И это относится,

пожалуй, ко всем странам.

Могут сказать, а как же с Нероном, римским императором середины I века, который был известен любовью к поэзии и музыке? Да, был известен, что не мешало ему прослыть в истории крайне порочной личностью. Говорили, что он даже играл на музыкальном инструменте при виде обильно льющейся человеческой крови, хотя это, быть может, больше легенда, чем правда. Нерона древние источники называют если не сумасшедшим, то, во всяком случае, ненормальным. Закономерен и его конец: циник, развратник, садист и убийца в облике венценосца, считавший себя поэтом, живописцем, ваятелем и музыкантом, был убит собственными слугами, приближенными, воинами-центурионами. Перед смертью он патетически воскликнул:

– Какой великий артист погибает!

Но исключения все же бывают. Иоганн Вольфганг Гёте – гениальный поэт и в то же время государственный деятель – не единственное тому доказательство.

Видимо, никто не будет оспаривать, что одним из подобных исключений являлся и Мальро. Имя известного французского писателя, активного борца против фашизма, командира эскадрильи иностранных летчиков-добровольцев, сражавшихся на стороне республиканской Испании, а в годы Второй мировой войны – участника движения Сопротивления, стоявшего во главе армейской бригады, останется в памяти людей.

Мальро был глубоко убежден, что, заняв министерское кресло, он сделает для культуры страны больше, чем если будет творить только в области литературы. О его пребывании на посту министра немало написано, а еще больше рассказано.

Хотелось бы воспроизвести вкратце одну беседу с Мальро. Состоялась она во время нашей встречи в дни моего официального визита во Францию.

Первое, что бросилось в глаза, – это скромность собеседника. Да, скромность. Мальро, будучи признанным писателем, одним из образованнейших людей Франции, вовсе не пытался подчеркивать свою роль ни в годы войны, ни в послевоенный период.

Он говорил о других людях, о политике и обстановке в мире, высказывался по вопросам культуры, культурных связей между Советским Союзом и Францией. Стоило мне задать ему какой-либо вопрос, и он весьма охотно на него отвечал, слова, фразы у него лились свободно, но в то же время весьма обдуманно. В нем воплощался образ человека высокой интеллигентности.

Само собой разумеется, что так называемого германского вопроса мы не могли не затронуть. Мальро как будто этого ожидал.

– Советский Союз, Франция и их союзники по минувшей войне, – сказал он, – должны сделать все необходимое для того, чтобы не появились новые гитлеры. Кровавая оргия са-

мого Гитлера закончена. Этого хватит и для Европы и для мира.

А потом обратил мысль в сторону нашей страны.

— Великая цена заплачена за победу, особенно вашим, советским народом, — подчеркнул министр.

Говорил он тихим голосом, несколько скороговоркой, и, как мне тогда показалось, голос этот был не голосом оратора-трибуна, а скорее человека, привыкшего вести откровенную, душевную беседу у камина.

Я спросил его:

— Верите ли вы в то, что деятели, которые направляют политику Североатлантического блока, не допустят возрождения милитаризма в Западной Германии, где есть еще немало нацистов?

Мальро сказал:

— Франция выполнит свой долг.

Это, согласитесь, яркая фраза, и звучит она несколько афористично.

Затем он добавил:

— Генералу де Голлю можно верить.

Тогда я заметил:

— Ведь не один де Голль будет определять курс Североатлантического союза?

Мальро с этим согласился:

— Безусловно, не один.

Однако он вновь подчеркнул:

– У де Голля прочно сформировалось определенное мнение о немцах, которое никто не сможет поколебать.

Задал я Мальро и такой вопрос:

– Как вы совмещаете выполнение обязанностей министра со своей творческой работой?

Он, улыбнувшись, сказал:

– Я ожидал от вас этого вопроса. Что же, могу свести свой ответ к тому, что для творческой работы почти не остается времени, поскольку его поглощает общественная деятельность. А ей надо уделять внимание, и немалое.

Мальро откровенно заявил:

– Я очень горжусь тем, что у меня постоянные контакты с деятелями советской культуры. Например, я высоко ценю общественную деятельность советского публициста Ильи Эренбурга.

Он так его назвал. Мы стояли в просторном зале. В руках держали чашечки кофе – обычный атрибут дипломатических раутов. В Париже, как нас уверяли, пьют «кофе по-французски». Секрета его приготовления нет никакого, просто кладут в одну чашечку двойной «заряд» этого продукта, и напиток получается крепким. Но мне казалось, он мало чем отличался от обычного эспрессо – черного кофе, так широко распространенного во всем мире. Есть кофе капучино – с горячими сбитыми сливками; придуман его рецепт итальянскими монахами, потому и название такое, в переводе значит – «монашеское», но популярность оно приобрело

почему-то в буфетах... Секретариата ООН.

Мальро сказал:

— Я верю в то, что деятели культуры, в какой бы области они ни творили, могут сослужить хорошую службу отечеству, если отдают свой талант, духовные силы на пользу мира.

Говорил он так, будто в мире или по крайней мере в Европе всего одно государство и один народ. А в то же время Европа и мир уже являлись свидетелями все убыстряющейся гонки вооружений, накопления ядерного оружия и вынашивания реваншистских планов.

Похоже было на то, что крупный художник слова, вписавший в историю Франции достойную ее народа страницу, возможно, не во всем разбирался досконально, но трезвость его суждений по принципиальным вопросам была похвальной. Франция имеет основания гордиться тем, что среди ее заслуженных сынов значится имя талантливого писателя Андре Мальро, хорошо знакомое и советским людям.

Помпиду в Заславле и Пицунде

С кончиной Шарля де Голля линия на развитие добрых отношений между СССР и Францией в общем продолжалась. Политическую эстафету принял Жорж Помпиду, который в 1969 году одержал победу на досрочных президентских выборах, состоявшихся после того, как де Голль принял решение отойти от государственной деятельности.

Конечно, каждый француз, независимо от социального положения, равно как и внешний мир, вольно или невольно сопоставлял эти две фигуры: внушительную и колоритную личность де Голля и более скромную – Помпиду, который, будучи премьер-министром Франции еще при де Голле, попадал в поле зрения французов в той мере, в какой этого хотел Елисейский дворец, где в президентском кресле восседал ветеран, чье имя стало символом движения Сопротивления. Слова де Голля в годы войны действительно ловил каждый патристически настроенный француз. В то же время Помпиду являлся человеком сравнительно малоизвестным, а за пределами Франции его знали еще меньше.

Но история не всегда шагает проторенной дорогой. Случается, она делает и скачки. При этом может не только отеснить на обочину сильную личность и заставить ее славу померкнуть, но и вынести на поверхность внутренней жизни страны и даже на международную арену людей, не поль-

зовавшихся ранее большой известностью.

Так было и с Помпиду. Его имя и деятельность далеко не сразу стали достоянием миллионов людей. Характерно, что ему даже тогда, когда он уже был президентом и опирался на довольно прочное большинство в парламенте, приходилось заботиться о том, чтобы и внешне выглядеть в глазах французской публики в наиболее выгодном для себя свете.

Характерен такой эпизод. В январе 1973 года Помпиду прибыл в Советский Союз с неофициальным визитом. Встречали его в Заславле, близ Минска. Погода стояла холодная, дул сильный, пронизывающий ветер. Президент вышел из самолета в легком пальто, без головного убора. Сопровождавшие его лица тоже были одеты «по-парижски».

После коротких приветствий, видя, что Помпиду явно начинает поеживаться, мы с Л.И. Брежневым предложили ему одеться потеплее. У нас была приготовлена для него, учитывая погоду, меховая шапка.

– Возьмите, пожалуйста, голове будет теплее, – сказал я.

Президент категорически отказался и, лукаво подмигнув, кивая на фотографов и кинооператоров, сказал:

– У нас головные уборы не в моде. Что подумают обо мне французские телезрители?

Правда, позднее, уже в резиденции, вдали от назойливых журналистов, он ушанку взял и на короткие прогулки по заснеженному парку одевался вполне «по-русски».

Задача давать оценку взглядов и действий Помпиду в об-

ласти внутренней политики не входит в мои планы. По понятным причинам более уместным считаю набросать некоторые штрихи к портрету этого государственного деятеля, напомнив о его некоторых делах в области внешней политики.

Помпиду явился наследником политического капитала, который накопила страна при де Голле. Работа вместе с де Голлем, поддержка линии генерала, собственный вклад в управление страной в качестве премьер-министра обеспечили Помпиду заметное место в жизни французского общества. Всей своей предшествующей деятельностью он оказался подготовленным, чтобы стать главой государства.

Советское руководство, как и при де Голле, делало все, чтобы добрые отношения, сложившиеся с Францией после разгрома фашистской Германии, не только сохранялись, но и получили дальнейшее развитие.

Важными вехами на пути такого развития стали контакты государственных и общественных деятелей двух стран. Особое значение имели в семидесятых годах встречи на высшем уровне с участием Брежнева и Помпиду. На этих встречах неизменно доминировали две мысли, органически связанные между собой. Во-первых, СССР и Франция должны сделать все, чтобы не допустить новой войны в Европе и в мире. И во-вторых, необходимо так строить практические отношения между двумя государствами, чтобы они отвечали интересам разрядки и международной безопасности.

На всех беседах деятелей СССР и Франции неизменно в той или иной форме возникал вопрос:

– А как должно обстоять дело с недопущением агрессии с немецкой земли, то есть с выполнением одного из важнейших решений Потсдамской конференции?

С советской стороны всегда подчеркивалось, что оба германских государства – ГДР и ФРГ – должны быть миролюбивыми.

В принципиальном плане с французской стороны тоже отмечалось, что и ФРГ должна проводить политику, которая отвечает интересам мира. А мы каждый раз в этих случаях обращали внимание французских собеседников на то, что сами обязательства по блоку НАТО, принятые на себя Федеративной Республикой Германией, вовсе не гарантируют проведение ею такой политики. Однако от них следовали на это разъяснения, фигурально выражаясь, вполне отвечавшие классическим требованиям такого стиля в искусстве, как рококо, с его завитками, ответвлениями, переплетениями, за которыми часто терялась основная нить рассуждений.

Правда, затем делались дополнительные пояснения, которые шли в общем в правильном направлении.

Однако после встреч и бесед на эту тему у нас всегда оставался какой-то осадок, и мы спрашивали себя:

– Неужели французы уже успели запомнить или, во всяком случае, начали забывать ту истину, что две континентальные державы Европы – Советский Союз и Франция

– кровно заинтересованы, причем больше, чем когда-либо раньше, в сохранении мира? Почему наши собеседники какие-то сугубо тактические соображения ставят выше фундаментальных требований недопущения новой войны?

В беседах с деятелями Франции мы говорили:

– Сами немцы в Западной Германии не могут не быть заинтересованы в сохранении мира в Европе.

Советский Союз, советское руководство считали и считают, что оба германских государства должны строго выполнять решения Потсдамской конференции. Эту мысль мы подчеркивали всегда, делаем это и сегодня.

При моих встречах с Помпиду, в том числе и во время визитов в Париж, он справедливо отмечал:

– Необходимо развивать экономические отношения между СССР и Францией.

Разговоры на эту тему интересовали обе стороны. Я от имени нашей страны указывал собеседнику:

– Для успешного развития советско-французских экономических связей могло бы стать полезным, чтобы правительство Франции практически содействовало этому.

Помпиду в общем с пониманием относился к такому пожеланию. Но факты свидетельствовали о том, что правительство Франции в этом вопросе действовало ниже своего потенциала. В последующем, когда в кресло президента сел Жискард д'Эстэн, мы также повторили эти пожелания, да и в настоящее время они сохраняют силу.

Глубокие, но в то же время грустные впечатления остались у меня от состоявшейся в марте 1974 года в Пицунде (Кавказ) последней встречи Помпиду с Брежневым, в которой я принимал участие. Помпиду в тот момент уже был серьезно болен. В аэропорту Адлера, что возле Сочи, Помпиду и Брежнев, министр иностранных дел Франции Мишель Жобер и я встретились радушно. Помпиду улыбался, фразы и жесты источали высшую степень приветливости, одним словом – настоящий француз. Но всех нас поразил прямо-таки восковой цвет его лица. С ним прибыл персонал, который оказывал ему медицинское содействие. Однако невозможно было скрыть то, что беспощадный недуг уже отсчитывает последние недели, а может быть, и дни президента.

От Адлера до Пицунды мы добрались вертолетом. Чувствовалось, что президент устал. Обычный свободный разговор и минимальная живость лица требовали от него усилий. Временами в нем замечалась какая-то ненатуральная сосредоточенность, и в эти мгновения ощущалось, что хотя он и внимательно смотрит, но взгляд направлен не на внешний мир. Вглядывался он скорее внутрь себя. В ходе переговоров с учетом состояния его здоровья режим соблюдался самый щадящий, все пожелания президента учитывались.

Однако интеллект Помпиду осечек не давал. Мысли выражались им четко и ясно. Все переговоры и беседы проходили, как обычно, в деловой и дружественной атмосфере.

В том же порядке, который соблюдался при встрече Пом-

пиду и прибывших с ним лиц, мы все во главе с Брежневым провожали президента от Пицунды до Адлера. Нелегко было наблюдать, как президент садился в автомашину и выходил из нее. Несмотря на все старания, скрыть боль, которая мучила его в эти моменты, ему не удавалось. А лицо выражало настоящее страдание.

Таким он и запомнился. А через три недели его не стало. Помпиду по праву занял свое место среди выдающихся государственных деятелей Франции. Вполне понятно и оправданно создание во французской столице Культурного центра Помпиду – в память об этом ушедшем из жизни крупном деятеле французского государства.

Три слова

Не менее, а может быть, даже более живые впечатления остались у меня от встреч с Валери Жискар д'Эстэном в период пребывания его сначала министром французского кабинета, а затем и президентом Франции. При этом ограничиваю себя впечатлениями от его высказываний, относящихся в основном к внешней политике и международной обстановке. Попутно уместно, наверно, сказать и о некоторых чертах Жискар д'Эстэна как человека.

Разумеется, любые воспоминания отражают личные, субъективные мнения их автора. И вовсе не потому, что он сам желает этого. Просто в его мыслях и чувствах запечатлелись определенные черты и качества того или иного человека, с которым неоднократно приходилось общаться, и именно из этой копилки памяти извлекается материал для передачи его другим.

Мои первые впечатления о Жискар д'Эстэне относятся к тому времени, когда он являлся министром в правительстве де Голля, а затем и Помпиду. Мы встречались с ним сначала в 1966 году, а потом после перерыва в три года – в 1969 году.

Хотя известно, что его приверженность линии де Голля временами ослабевала – главным образом это относилось к внутренним делам, – он все же сохранял за собой репутацию ее сторонника, причем даже в тот период, когда силуэт ге-

нерала стал тускнеть. Правда, в 1969 году Жискар д'Эстэн выступил против предложенных де Голлем реформ и, по общему признанию, в какой-то мере способствовал его поражению на референдуме. В связи с этим президент со своего поста ушел. Жискар д'Эстэн активно поддержал кандидатуру в президенты того, с кем тесно сотрудничал, – Помпиду.

Политическое лицо Жискар д'Эстэна как центриста – речь идет, разумеется, о буржуазном течении центризма в политике – обладало определенной притягательной силой. Это сослужило пользу Помпиду и как кандидату в президенты, а впоследствии и как главе государства. В тот же цвет центризма окрашивались взгляды Жискар д'Эстэна и в вопросах внешней политики, в том числе в области, которой он непосредственно занимался в бытность министром экономики и финансов, – экономических отношений Франции с другими странами.

Став после смерти Помпиду президентом Франции, Жискар д'Эстэн, как это бывало и раньше с его предшественниками, постарался в определенной мере продемонстрировать лояльность по отношению к своим западным союзникам, и прежде всего заручиться благожелательным отношением со стороны США и ФРГ. Делалось это при всем том, что Франция уже с 1966 года не была участницей военной организации НАТО. Вместе с тем во время бесед с французским президентом мы без большого труда замечали, что он, проявляя приверженность Североатлантическому союзу, стремится в

то же время к тому, чтобы Франция сохранила свое национальное лицо, продолжала следовать начатому в предыдущие годы курсу на разрядку международной напряженности.

Последняя часть этой формулы представляла собой основу многих высказываний Жискара д'Эстэна о советско-французских отношениях. Политические реальности в Европе и мире стали таковыми, что роль уже установившегося до его прихода к власти сотрудничества между СССР и Францией ощущалась достаточно сильно, поскольку это сотрудничество развивалось и должно развиваться в интересах советского и французского народов, в интересах европейского и международного мира. Так оно и проявлялось.

Осознавая значение советско-французского сотрудничества, Жискара д'Эстэн вскоре после того, как стал президентом, заявил, что намерен уделять пристальное внимание отношениям с Советским Союзом, другими социалистическими странами, продолжать политику де Голля и Помпиду, суть которой можно сформулировать так: СССР и Франция не только могут, но и должны сотрудничать в интересах разрядки и мира. Эту политику Франция окрестила тремя словами, сказанными еще генералом де Голлем:

– Разрядка, согласие, сотрудничество.

Что касается другого положения приведенной выше формулы – о сохранении Францией как независимым государством своего лица, – то такое положение вступало, разумеется, в противоречие с линией французской стороны, когда

она демонстрировала верность Североатлантическому союзу в вопросах военного характера. На это мы неоднократно обращали внимание и президента и правительства Франции.

Однако обе стороны старались по возможности использовать то, что совпадало в их внешней политике, а именно заинтересованность в налаживании мирного взаимодействия государств. И как правило, на важных советско-французских встречах мы находили общий язык при согласовании двусторонних документов.

Перед любой встречей с президентом становилось ясно, что обсуждению будут подвергнуты важные проблемы советско-французских отношений и международной обстановки. Масштаб и глубина обсуждений могли быть разными – в зависимости от обстоятельств. Но обходить эти проблемы Жискара д'Эстэн не любил. И так как советское руководство, кто бы его ни представлял, предпочитает тоже не ходить вокруг да около проблем, а рассматривать их по существу, при этом начиная с самых острых, то оказывалось вовсе не трудным выбирать вопросы для обсуждения.

В начале декабря 1974 года состоялся рабочий визит Брежнева во Францию. Советский руководитель впервые встречался с Жискаром д'Эстэном как с президентом Франции. Однако как партнера по переговорам на других уровнях мы его знали.

Жискара д'Эстэн не раз принимал участие в советско-французских встречах и переговорах, в том числе и на

высшем уровне, когда входил в правительство еще как министр финансов. Долгое время он возглавлял французскую часть смешанной советско-французской комиссии по экономическому и науднотехническому сотрудинчеству и в немалой степени лично содействовал развитию деловых связей между Францией и СССР.

В общем Жискар д'Эстэн, хотя при нем и имели место неровности в политике, все же внес определенный вклад, в том числе и на посту президента, в проведение того курса в советско-французских отношениях, начало которому положил еще де Голль.

Одним из наиболее актуальных политических вопросов, которые обсуждались на переговорах с Жискар д'Эстэном, являлось достижение договоренности о скорейшем завершении Совещания по безопасности и сотрудинчеству в Европе. А найти подходы к такой договоренности считалось делом непростым.

Вот почему на переговорах с французским президентом советская сторона сделала все для того, чтобы привлечь Францию в лагерь сторонников успешного завершения общеевропейского совещания. В итоге совместной работы родилось одно из важнейших положений советско-французского коммюнике, которое гласило, что «созданы хорошие предпосылки для завершения совещания в кратчайший срок, для проведения его третьего этапа и подписания заключительных документов на высшем уровне».

Такое выступление СССР и Франции в значительной мере способствовало продвижению вперед к достижению конечной цели, стоявшей перед участниками общеевропейского совещания. Тем самым мы помогли сделать крупный шаг в интересах обеспечения положительного исхода этого совещания. Он явился ярким подтверждением значения советско-французских встреч для преодоления дипломатических тупиков, нахождения политических развязок.

Президент за штурвалом вертолета

В целом контакты с Жискар д'Эстэном дают основание утверждать, что он обладал достаточным знанием проблем. Другое дело, что по их существу он мог занимать позицию, отличающуюся от взглядов собеседника, а иногда и противоположную им. И так бывало во время его бесед с нами, в частности, при обсуждении проблем, относящихся к ядерному оружию, блоку НАТО и его политике, вопросу об обстановке вокруг Афганистана и ряду других.

Жискар д'Эстэн серьезно готовился к беседам. Высказывая по тем или иным вопросам свои взгляды, он не импровизировал, а, как правило, приводил аргументы, факты. Лица, на мнение и совет которых он опирался, видимо, тоже во многом следовали его примеру. Постоянно чувствовалось, что все те, кто находился в окружении президента, имели схожий стиль в контактах с представителями другого государства.

Как человек достаточно образованный, с устоявшимися манерами поведения, Жискар д'Эстэн, казалось бы, мог в ходе обсуждений позволить себе какие-то вольные приемы светской беседы, экскурсии в область истории. Тем не менее он этим почти не пользовался. Здесь, видимо, сказывалось свойство характера.

Никогда мне не приходилось наблюдать Жискар д'Эст-

эна в неуравновешенном настроении, проявляющего горячность, поспешность. А ведь что греха таить, иногда современные деятели, неспособные держать под контролем свои нервы, могут довести себя до такого состояния, когда их слова значительно опережают мысль. Правда, они потом поправляются, пытаются утверждать, что хотя и сказали то-то и то-то, но думали совершенно противоположное.

Жискар д'Эстэн не придавал особого значения протокольным нормам. Нам, в частности лично мне, это импонировало: в конце концов, протокольные нормы должны облегчать общение, а не осложнять его.

О Жискар д'Эстэне как о человеке ходит немало забавных рассказов, появившихся в печати с легкой руки дотошных французских и других иностранных журналистов. Поводов для этого он давал предостаточно. Лично меня удивил такой факт.

Во время визита Брежнева во Францию советская делегация размещалась в старинном замке Рамбуйе, недалеко от Парижа. Там же проходили и переговоры. Французская делегация прибыла из Парижа на машинах, и в небольшом вестибюле дворца все ожидали появления глав делегаций.

Вдруг над крышей замка раздался рев мотора, и на лужайку под окнами опустился небольшой вертолет, из которого вышел Жискар д'Эстэн. Кто-то из французов бросил фразу: – За штурвалом вертолета сидел сам президент.

Советские участники встречи восприняли это высказы-

вание как шутку. Однако после переговоров мы вышли на лужайку попрощаться с хозяином, и каково же было наше удивление, когда мы увидели, что президент сел за штурвал, улыбнулся, легко поднял вертолет в небо, сделал круг над замком, помахал нам рукой и улетел в направлении Парижа. Нам рассказывали:

– Несмотря на высокое официальное положение, президент не упускал случая и погонять, сидя за рулем автомашины. Все это приводило в ужас службу безопасности Елисейского дворца, которая не раз обращалась к главе государства с настоятельной просьбой не подвергать свою жизнь неоправданному риску.

Через некоторое время стало известно, что после небольшого дорожного происшествия с машиной президента его благоразумие все-таки взяло верх.

Запомнился еще и такой эпизод. В период визита, о котором идет речь, на мировом рынке повысились цены на нефть, и во Франции началась активная кампания за экономию топлива. Инициатором ее выступил сам президент. Дело дошло до того, что он распорядился даже Елисейский дворец отапливать дровами.

В замке Рамбуйе, где проходили советско-французские переговоры, запылали все каминь. Однако то ли потому, что ими давно не пользовались, то ли по неопытности тех, кому это поручалось, каминь сильно чадили. Весь замок заполнял едкий дым, что вынуждало постоянно открывать окна и две-

ри в сад, а ведь встреча происходила в декабре.

Кончилось все это тем, что некоторым членам французской делегации, в том числе и министру иностранных дел Сованьяргу, стало просто нехорошо. К вечеру эксперимент с каминами прекратили. Пришлось включить батареи, что обеспечило более подходящие условия для продолжения работы.

Встречался я с Жискар д'Эстэном и еще раз. В сентябре 1986 года по приглашению правительства МНР он приезжал на охоту в леса на севере этой страны и на обратном пути из Улан-Батора в Париж на сутки как гость Президиума Верховного Совета СССР остановился в Москве.

У нас состоялась продолжительная и любопытная беседа. Из нее я понял, что напрасно кое-кто во Франции и за ее пределами пытается списать Жискар д'Эстэна в архив как политическую фигуру. Бывший президент Франции, а ныне сенатор еще не вложил свою шпагу в ножны и готов пофехтовать ею на аренах политической борьбы в своей стране.

– Этого, – утверждал он, – ждут от меня и мои сторонники во Франции.

Сейчас Жискар д'Эстэн не занимает какого-либо официального поста в правительстве. Однако, видимо, не случайно не только во Франции, но и за ее пределами многие часто вспоминают этого человека, уже вписавшего в историю Франции и в летопись ее внешней политики страницы, которые изъять нельзя.

Лидер французских социалистов

На президентских выборах во Франции в мае 1981 года Жискар д'Эстэн потерпел поражение. Президентом был избран Франсуа Миттеран – лидер Социалистической партии. Эти выборы хотя и не стали шоком для страны, но все же ее взбудоражили. Поляризация сил проявилась четко и к невыгоде буржуазии. Одержали верх левые силы – социалисты, коммунисты и левые радикалы. В соответствии с этим в июне 1981 года образовалось правительство, в которое вошли и коммунисты.

Нелегкая задача стояла перед новым правительством. Ставить опыты в политике, экономике, международных делах оно не имело возможности. Наблюдательным людям сразу бросилось в глаза, что никаких серьезных социалистических элементов в экономику и общественную жизнь страны новый президент Франции вводить не собирается.

Вскоре после триумфа левых сил мне пришлось встретиться с французским министром внешних сношений Клодом Шейсо-ном в Нью-Йорке во время пребывания на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Министр заявил:

– Новая власть поведет страну по пути социалистических преобразований.

Говорил он горячо и эмоционально. Я и другие члены советской делегации, присутствовавшие на беседе, пришли к

выводу: говорилось слишком хорошо, чтобы стать реально-стью.

– Ну что ж, – сказал я моему французскому коллеге, – время все поставит на свое место.

Оно вскоре и поставило. Никаких попыток осуществить, даже в эксперименте, мероприятия по социалистическому преобразованию общества Франция, конечно, не увидела.

Известное движение в развитии советско-французских отношений появилось с визитом Миттерана в СССР в июне 1984 года. С нашей стороны в ходе переговоров с ним было подчеркнуто, что Советский Союз руководствуется по отношению к Франции не конъюнктурными, а постоянными, широкими интересами, тем, что сближает советский и французский народы, укрепляет между ними взаимопонимание и дружбу. Ему говорили:

– Первостепенное значение в настоящее время имеет то, чтобы советско-французские отношения после тех сбоев, которые отмечались за последние годы, вновь пошли вперед во всех областях, в первую очередь в политической. Безусловно, особую важность приобретает поддержание большей стабильности в этих отношениях.

Я участвовал в беседах с президентом во время его пребывания в Москве. Помимо того, мне пришлось еще дважды встречаться с ним и беседовать. Один раз в Кремле в ходе того же визита, а другой – в Париже, когда я по приглашению правительства Франции приезжал туда по пути из Мадрида

в Москву в сентябре 1983 года. В беседах принимал участие наш крупный дипломат Ю.М. Воронцов.

Впечатление от бесед с Миттераном соответствует тому, которое сложилось у советской стороны после визита президента в Москву, с той лишь разницей, что в беседе в Париже он чувствовал себя более скованным – в ее атмосферу добавил «электричества» известный инцидент с южнокорейским самолетом.

То, что произошло позднее в советско-французских отношениях, лучше всего можно оценить по советско-французским встречам на самом высоком уровне. Такие встречи происходили между К.У. Черненко и Миттераном в 1984 году, между М.С. Горбачевым и Миттераном в 1985-м и в последующие годы.

Во время визита Миттерана в Москву в 1986 году состоялись также его встречи с Председателем Совета министров СССР Н.И. Рыжковым и со мной.

Все эти встречи, и особенно на высшем уровне – М.С. Горбачева с Миттераном, – обогатили советско-французские отношения. Несколько возродился дух сотрудничества. Конкретные итоги визита, состоявшегося в 1986 году, нашли свое выражение в речах, с которыми выступили М.С. Горбачев и Миттеран на торжественном обеде в Кремле, а также в опубликованных в ходе визита и по его окончании документах.

Когда я провожал французского президента в аэропорт,

он, касаясь своих встреч с М.С. Горбачевым и всей атмосферы, в которой проходил визит, сказал:

– Хочу дать самую высокую оценку значения этой поездки в Москву как для развития двусторонних отношений, так и для широкой международной политики.

В Советском Союзе итоги визита французского президента в 1986 году оценивались по справедливости высоко. Так же они оценивались и в других странах, внешняя политика которых отвечает интересам мира.

В беседах в Москве вместе с Миттераном с французской стороны принял участие новый министр иностранных дел Жан Бернар Рэмон, назначенный на этот пост незадолго до визита президента в Москву. До этого назначения Рэмон работал на посту посла Франции в Москве и пользовался уважением в дипломатических кругах.

Факты из биографии Ролана Дюма

В восьмидесятых годах на политическом горизонте появился новый французский деятель – Ролан Дюма. В декабре 1984 года он занял пост министра внешних сношений Франции. Ранее мне встречаться с ним не приходилось. Поэтому интерес представляло знакомство с партнером из страны, имеющей на мировой арене большой вес. Тем более что и как личность Дюма, несомненно, представлял немалый интерес.

На меня произвел впечатление уже такой факт из биографии Дюма, как его участие в движении Сопротивления. В годы молодости ему пришлось познать ужасы войны. Она затронула своим огнем и его семью. С отцом Дюма, активным участником движения Сопротивления, гитлеровские палачи беспощадно расправились в 1944 году.

Было видно, что это оставило глубокий след и в сознании Дюма. Нельзя сказать, что он постоянно предавался воспоминаниям, давал выход своим чувствам. Однако Дюма с основанием гордится своим участием в борьбе против фашизма.

Друзьям по движению Сопротивления и идеалам борьбы с фашизмом он оставался верен и после войны, когда стал известным адвокатом и журналистом. В период холодной войны и оживления реакции во Франции в пятидесятых годах Дюма активно, часто с успехом защищал подвергавшихся на-

падкам ветеранов Сопротивления, противников колониальных войн Франции в Индокитае и Алжире. Нередко в числе его подзащитных значились и коммунисты. Как раз в то время он познакомился с Миттераном.

Мои первые беседы с Дюма, прибывшим в марте 1985 года с визитом в Москву, показали, что, не будучи профессиональным политиком или дипломатом, он обладает тем не менее немалым опытом в международных делах. Он – достойный представитель Франции, таким и запомнился по состоявшимся встречам.

Помню броскую формулу, которой он охарактеризовал политический диалог с СССР:

– Этот диалог – константа французской внешней политики.

Сказано коротко, но точно.

Шедевры Лувра

Не только коренные интересы безопасности обеих стран, но и их богатое прошлое, их культура, искусство тоже всегда превращались в аргумент на пользу взаимопонимания, обмена в области духовной жизни между советским и французским народами.

Почти всегда, когда мне доводилось бывать во Франции, власти этой страны предусматривали посещение соответствующих исторических и культурных памятников, которые особенно дороги душе француза. Это понятно и естественно. Далеко не многие страны в состоянии предложить то, что может предложить Франция. Ее культура представляет огромный интерес для любого образованного человека.

Французы как будто читают мысли советских представителей, когда тактично рекомендуют им ознакомиться с Лувром, с собором Парижской Богоматери, Версалем, Компьеном, Мон-Сен-Мишелем, долиной реки Луары, замком Мальмезон и, конечно, с городами Марсель, Лион, Бордо, Дижон. В разные годы мне и Лидии Дмитриевне удалось ознакомиться со многими достопримечательностями Франции и ее столицы.

В Лувре, этом огромном дворце, размещаются Национальный художественный музей, музей декоративных искусств и министерство финансов, располагающееся в север-

ном его крыле. Удивительно, что при острой нехватке помещений для богатейших коллекций часть Лувра все же занимают сотрудники этого министерства.

Лувр пережил сложную историю. В свое время на том месте, на котором находится современный музей, стояла крепость, один из опорных оборонительных пунктов Парижа. Крепость служила одновременно и арсеналом, и хранилищем королевской казны, и тюрьмой. Такое тоже бывало.

Начиная с 1791 года Лувр – прежде всего музей. Его выставочные помещения продолжают расширяться. К уже открытым для посещения залам регулярно после реставрации добавляются новые.

Лувр – бесценное хранилище произведений искусства. Главными в нем являются картины и скульптура. По своей коллекции этот музей принадлежит к числу самых богатых в мире.

Он – один из величайших храмов искусства. Здесь почетное место занимают знаменитые «Ника Самофракийская» и «Венера Милосская». А чего стоит лишь перечисление таких имен, как Леонардо да Винчи, Рафаэль, Тициан, Веронезе, Рубенс, Рембрандт, чьи творения – шедевры мирового искусства! Они тоже выставлены здесь.

В Лувре нет произведений не выдающихся. При осмотре музея я не мог оторвать глаз от работ не только величайших мастеров Ренессанса, но и от произведений таких выдающихся французских художников, как Никола Пуссен, Ан-

туан Ватто, Жак Луи Давид, Эжен Делакруа, Гюстав Курбе и многие другие.

В общей сложности в каталоге живописи и скульптуры Лувра значится около двадцати тысяч единиц хранения. Долго, на протяжении столетий, Франция собирала эти сокровища. Способы, которыми при этом пользовались, иногда не отличались гуманностью.

Не последнюю роль играли в свое время контрибуции, а то и просто грабеж. Реквизиция – по-наполеоновски.

Картины, мраморные изваяния, драгоценные образцы дворцовой мебели и украшений чувствуют себя в Лувре уютно, французы их ценят и стараются оберегать. Не знаю, как у других, но в моей памяти сохраняются яркие впечатления от художественных богатств этого музея.

Французские короли любили свой Лувр, забавлялись, рассматривая сокровища. Только Людовик XIV перенес свою официальную резиденцию в Версаль. Многое сделал для Лувра, продолжая его строительство, Наполеон, а завершилось его создание во второй половине XIX века.

Да, почти всегда после посещения Лувра при возобновлении бесед с французскими деятелями есть что сказать и о чем вспомнить. В какой-то степени это способствует и созданию благоприятной атмосферы для бесед.

Француз спрашивает иностранца:

– Видели ли вы Нотр-Дам де Пари?

Так звучит по-французски собор Парижской Богоматери.

Допустим, иностранец ответит:

– Нет, не видел.

Такой ответ вызовет искреннее удивление француза.

Веками, еще задолго до создания Эйфелевой башни, собор являлся символом французской столицы, ее сердцем. Великолепие в архитектуре времен ранней французской готики, созданное более семисот лет назад, глубоко внедрилось в сознание парижан, да и всех французов.

Многие великие мастера кисти и слова обращались и обращаются к этому собору в своем творчестве. Достаточно вспомнить хотя бы Виктора Гюго. Выдающийся писатель, сравнивший Нотр-Дам с «симфонией в камне», написал полтора столетия назад огромной художественной силы роман «Собор Парижской Богоматери». Его и сегодня нельзя читать без волнения. Трудно найти француза, который с детства не знал бы о превратностях судеб Эсмеральды и Квазимодо, созданных могучим воображением писателя.

Собственно, в современной Франции ценится скорее не религиозная оболочка, связанная с понятием «собор», а историческое и художественное содержание, которое вдохнули Франция, ее народ в Нотр-Дам де Пари.

У каждого большого города есть, как правило, что-то свое, специфическое, неповторимое, с чем ассоциируется упоминание о нем или благодаря чему он вошел в историю. Это может быть просто красивое здание, музей, архитектурный памятник или какое-либо знаменитое современное со-

оружие. В Париже это Эйфелева башня.

С этой башни, которую французы с легкой руки поэта Гийома Аполлинера величают «пастушкой облаков», открывается – и в том удостоверился я сам – прекрасная панорама французской столицы и ее окрестностей. Как достопримечательность она не теряет своей популярности, о чем свидетельствует тот факт, что ее со времени сооружения в 1889 году посетило сто миллионов человек.

Если первого попавшегося француза на улице Парижа или другого города спросить: «А зачем Парижу Эйфелева башня?», то он на вас посмотрит с удивлением и поначалу может даже не найти слов для ответа. Ему покажется несообразным вообще задавать подобный вопрос. Когда же он, преодолев замешательство, скажет что-нибудь в ответ, то это будет примерно такое замечание:

– Разве мыслим Париж без Эйфелевой башни?

Конечно, такой ответ продиктован отчасти эмоциями, но, по существу, правильный.

Не один раз и по разным поводам тема Эйфелевой башни затрагивалась в разговорах во время бесед с французскими деятелями, особенно когда требовалось несколько разрядить обстановку или отвлечься перед очередным раундом политических переговоров.

Пикассо рассуждает

Давно, еще в годы молодости, у меня появилось желание встретиться с большим художником, которого знали, можно сказать, все. Во всяком случае, все, интересовавшиеся живописью.

Имя его – Пабло Пикассо.

Испанец по происхождению, он связал свою жизнь с Францией, где предпочитал творить.

Самый популярный художник своего времени, антифашист, Пикассо решил остаться в Париже, когда его оккупировали немецко-фашистские войска. Этот поступок сам по себе явился актом мужества, пламенного патриотизма и заслуживает самой высокой оценки.

Привлек также широкое внимание его ответ на вопрос нацистского офицера. Когда гитлеровец вошел в студию художника и увидел там большую цветную репродукцию картины «Герника», он спросил:

– Это вы сделали?

Художник спокойно ответил:

– Нет, это вы сделали.

Ответ, подобно меткому выстрелу, попал в цель. В мире изобразительного искусства считают, что в показе разбитого фашистскими бомбами испанского города Герника Пикассо нашел формулу ужаса и презрения к фашизму.

По долгу службы мне приходилось приезжать во Францию не раз, но, как это обычно бывает, в дни официальных поездок советских делегаций их пребывание охватывает все, за исключением встреч с теми интересными людьми, которые не занимают каких-то государственных постов и потому не привлекают внимания составителей программы визита. Да если тот или иной человек еще к тому же принимает участие в общественном движении антимилитаристского характера, то он как бы вообще не существует для авторов такой программы. А вносить поправки нам не всегда удобно, так как это требует изъятия из нее каких-то официальных мероприятий или сокращения на них времени.

Но бывает, когда в силу стечения обстоятельств происходят встречи и незапланированные, даже случайные или «полуслучайные», если выразиться точнее; так оказывается в те моменты, когда одна из сторон не ожидает встречи, а вторая ищет ее и готовится к ней намеренно. Так, «полуслучайно», я буквально столкнулся с Пикассо.

Протокольная служба Франции организовала дело таким образом, что моя встреча с гигантом живописи явилась вроде бы случайной. Хотя, разумеется, для всех стало ясно, что такая неожиданность не может быть случайной.

Во время одного из визитов Л.И. Брежнева во Францию предусматривалось посещение Лувра. Советские гости, в том числе и я, прибыли в назначенное время в этот дворец искусства. В самом большом зале музея, на втором эта-

же здания, нас встретили и вежливо приветствовали по всем правилам французского этикета представители администрации.

Вдруг сквозь толпу окружающих людей активно пробился невысокого роста человек и протянул руку Л.И. Брежневу, а затем мне и другим товарищам. При этом он просто сказал:
– Здравствуйте, я – Пикассо.

Глава делегации и знаменитый художник обменялись краткими приветствиями, и Пикассо как бы отступил, чтобы не мешать посетителям осматривать картины. Гости пошли дальше, тем более что в конце этого зала их ожидала прославленная «Мона Лиза» Леонардо да Винчи.

В этот момент Пикассо быстрым шагом подошел ко мне:
– Месье Громыко, я вас видел раньше.

Я остановился. Не знаю, сказал он это из вежливости или в самом деле где-то видел. Но я-то знал точно, что мне с ним встречаться не приходилось. Я бы запомнил, тем более что хотел сам с ним познакомиться и пообщаться.

Пикассо высказал пожелание:

– Не могли бы вы на несколько минут задержаться и немного поговорить со мной?

Я сказал:

– Охотно это сделаю.

Пикассо повел разговор:

– У меня, знаете ли, очень мало общения с людьми из Советского Союза. Представители советской интеллигенции

еще ко мне заглядывают. А вот так, чтобы я составил представление, какое мнение обо мне как о художнике у широкой публики вашей страны, — этого нет.

Беседа происходила, как говорится, «на ходу», прямо в зале Лувра, но это нас несколько не смущало.

— Я понимаю, — говорил Пикассо, — что тут и расстояние создает трудности, и расходы на поездку, и многое другое. С выставками моих картин в Советском Союзе так, как я хотел бы, не получается. Но тут, возможно, я и сам виноват. Не хочется, чтобы многие мои картины на какое-то время часто исчезали с глаз. Лучше, чтобы они оставались всегда в поле моего зрения. Хотя я сознаю и слабость такого подхода. Но часто думаю, выражаясь языком бизнесменов, как почаще пробиваться на советский рынок. Рынок, конечно, в переносном смысле слова.

Тем самым художник дал понять, что он считает совершенно недостаточными те выставки в СССР, которые имели место в Москве и Ленинграде в 1956 году. Рассуждения Пикассо касались и отношения наших людей к самой сути творческого направления его живописи. Все-таки он — основоположник кубизма, хотя и создал в свое время много работ в духе неоклассицизма. В ряде работ Пикассо близок к сюрреализму, нередко в его произведениях натура представляла произвольно деформированной. Он и сам соглашался, что вопрос о его творчестве непростой и однозначного отношения к нему, видимо, нет.

Рядом с Пикассо стояли трое его знакомых, видимо тоже художники. Ни сам Пикассо, ни эти другие лица не ходили с советской делегацией по музею, что, вероятно, и предусматривалось программой. Я задержался, так как завязалась беседа с Пикассо, и все его знакомые находились здесь же. Рядом была картина французского художника Жака Луи Давида «Коронация Жозефины». Это – огромное полотно, авторское повторение которого находится в Версальском дворце.

Я заметил:

– Мне нравятся творения Давида, которые хорошо представлены в Лувре.

Пикассо сказал:

– Давид – один из великих художников Франции. Теперь, конечно, другие времена. Живопись и искусство в целом на месте не стоят.

Правда, меня несколько смутило то, что в Лувре не выставлялось ни одной картины Пикассо. Но об этом разговора с ним заводить не стал.

Несмотря на свой возраст – а родился Пикассо в 1881 году, – он выглядел очень подвижным человеком. Мне казалось, что для него трудно даже постоять на месте.

Он спросил:

– Вероятно, вы не раз бывали в Лувре?

Я ответил:

– В Лувре я бывал, наверно, раз пять-шесть.

Мне подумалось, что надо бы сказать, что я знаком и с его

искусством. Потому сразу и перевел разговор на эту тему:

– Однако я бывал и в Музее современного искусства. Там видел и ваши картины. В частности, мне очень понравился написанный вами портрет своего отца. Этот портрет выполнен в реалистической манере и очень к себе располагает любителя живописи.

– Да, – сказал Пикассо, – я писал портрет с любовью. Манера его исполнения – неоклассическая, как ее называют сейчас. Но с тех пор многое изменилось, в том числе и я сам как художник.

А в конце разговора мы как-то непроизвольно вернулись к той теме, которой уже касались в ходе нашей беседы.

– Знаю, – сказал Пикассо, – что в Советском Союзе меня в общем-то уважают. Вероятно, скорее мое имя. Но мои картины – не особенно. Думаю, со временем положение может измениться.

Я решил не углубляться в эту тему. Доказывать, что его искусство любят в Советском Союзе, не подходило, звучало бы фальшиво.

К сожалению, действительно его творчество в нашей стране знакомо мало. Хотя сам художник широко известен и тем, что еще в годы войны вступил в компартию, и своим всемирно известным «Голубем мира» – эмблемой движения против войны, и тем, что он – лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» как видный общественный деятель и борец против милитаризма.

Мы распрощались с художником, тем более что вся наша группа уже находилась где-то у выхода. После того как я пожал ему руку, он заметил:

– Пикассо может быть только Пикассо, и никем другим.

Да, до последнего вздоха он представлял собой человека с характером, о чем свидетельствует не только его творчество, но и антивоенные взгляды. Он любил жизнь и боролся за нее. Одним словом, Пикассо оставался до конца самим собой – человеком, художником, гражданином.

...Прошло время, и однажды во время официального визита министр иностранных дел Франции Ролан Дюма привез мне из Парижа сувенир.

– Знаю, что вы – любитель живописи, – сказал он, – и передаю вам эту картину Пикассо. Раньше не представился случай это сделать.

Пикассо умер в 1973 году, а наш разговор с Дюма происходил уже добрый десяток лет спустя. Он передал мне «Голубя мира» Пикассо. В углу картины стоит номер тридцать два. Номер художник ставил тогда, когда его просили повторить и снова нарисовать тот же полюбившийся людям шедевр. Он писал его еще и еще, проставляя на очередной картине последующий номер.

Таким образом, у меня дома висит тридцать второй оригинал знаменитого «Голубя мира».

Версаль и дом на улице Гренель

При посещении Франции приезжий всегда осматривает дворцово-парковый ансамбль Версаля, который в свое время служил главной резиденцией французских королей, а впоследствии превратился в Национальный музей. Этот замечательный памятник французского зодчества XVII–XVIII веков настолько тесно связан с историей страны, что уже одно упоминание о нем вызывает эмоции у собеседника-француза, независимо от того, кем он является: политическим деятелем или ученым, рабочим или крестьянином, писателем или священником, студентом или артистом. На его лице нетрудно сразу же уловить удовлетворение тем, что вы посетили Версаль и знаете о месте, занимаемом им в сердце француза. Именно здесь, в Версале, в августе 1789 года Учредительное собрание страны приняло Декларацию прав человека и гражданина.

Великая французская революция вымостила дорогу для класса буржуазии и нанесла смертельный удар по феодальным порядкам, феодальному социальному строю, час которого пробил. Во Франции еще оставались императоры и короли, но у власти оказался уже класс буржуазии. Он и стал ее настоящим монархом.

Во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов Версаль находился в руках немцев, и в бывшем королевском

дворце помещался прусский Генштаб. В январе 1871 года в этом дворце был коронован германский император Вильгельм I. В том же году в дни поражения Парижской коммуны контрреволюционное Национальное собрание и правительство Тьера организовало здесь расправу над героями-коммунарами. 28 июня 1919 года в Зеркальном зале дворца страны Антанты и побежденная Германия подписали Версальский мирный договор.

В комплекс Версаля входят дворцы – Большой Трианон и Малый Трианон с прилегающими к ним парками. Их история очень интересна.

В 1717 году в Большом Трианоне побывал Петр I. И наверняка, есть основания утверждать, что строительство в Петергофе знаменитого дворцово-паркового ансамбля с его фонтанами началось под воздействием того впечатления, которое произвело на русского царя великолепие Версаля.

Приведу попутно любопытный факт. Недавно советские реставраторы производили соответствующие работы в одном из принадлежащих посольству СССР в Париже зданий, которое находится на улице Гренель. Они высказали предположение, что Петр в период своего пребывания во французской столице посетил это здание и, видимо, высоко оценил его архитектуру и отделку.

Такое предположение основывается на том, что художник по интерьеру и помощник архитектора, работавшие на строительстве особняка, оказались позднее в Санкт-Петербурге

и участвовали в отделке Зимнего дворца.

Что же до Большого Трианона, то там в настоящее время располагаются гостевые апартаменты для глав иностранных государств, прибывающих во Францию с официальными визитами. Во время одной из советско-французских встреч на высшем уровне и мне, входившему в состав делегации СССР, довелось воспользоваться гостеприимством хозяев и провести в этом дворце трое суток.

В замке Мальмезон

Свой век Жозефина – первая жена Наполеона – доживала в роскошном замке Мальмезон, который ей подарил император. Последний любил раздавать направо и налево подарки, причем в виде дворцов, замков и даже тронов.

В 1814 году, когда головокружительной карьере императора-авантюриста пришел конец, Жозефина была тяжело больна. После вступления в том же году русских войск в Париж Александр I нанес ей визит в Мальмезон. Это был своеобразный «рыцарский» жест, отвечавший характеру и складу ума российского венценосца.

История не сохранила содержания разговора между Жозефиной и императором могучей Российской державы, повергнувшей империю Бонапарта. А возможно, ничего примечательного и не было сказано. Мысли Александра больше привлекала Франция, чем Жозефина.

В Мальмезоне, где жила и скончалась бывшая императрица, ей установили памятник.

Мальмезон – фактически единственный музей Наполеона во Франции, не считая музея на Корсике. Подобное обстоятельство до некоторой степени вызывает удивление, учитывая, что многие французы и теперь боготворят знаменитого корсиканца.

Достаточно провести в Париже два-три дня, чтобы почув-

ствовать, что тень Наполеона из далекого прошлого витает и над современной Францией.

Это не значит, что французы стараются говорить о нем, тем более с советскими гостями. Как раз наоборот. Француз знает, какой пришла великая армия Наполеона в Россию и как он сам фактически уже без армии еле унес ноги домой.

Каждый раз, находясь во Франции и пытаясь заговорить о Наполеоне, я убеждался, что французы скорее избегают упоминать его имя в беседах с нами. И это независимо от того, говоришь ли ты с официальными лицами или ведешь обычный житейский разговор с кем-либо еще. А когда с нашей стороны это имя все же упоминается, то французский собеседник этой темы, конечно, не чурается, но становится всегда немногословным. Так и кажется, что он ждет – скорее бы этот русский перевел беседу на другую тему.

Это и неудивительно. События почти двухвековой давности заставляют его вспомнить не только о великом полководце, перед которым склоняли головы многие коронованные особы Европы, но и о провале великой авантюры в отношении России, о русских солдатах, маршировавших после поражения Наполеона по улицам Парижа.

Всякие искусственные конструкции некоторых историков, создание версий оправдания бегства Наполеона из Москвы француз не воспринимает. Он знает истину и усвоил ее прочно: Наполеон потерпел сокрушительное поражение в России. Ноги-то он сохранил, но великую армию поте-

рял. Усвоил француз и ту истину, что без Бородино и бегства Наполеона из России не было бы и Ватерлоо. Это сражение Наполеон проиграл прежде всего потому, что его Великий поход на Восток провалился.

Во Франции не много памятников Наполеону. Видимо, взяла верх традиция иметь их небольшое число, но если они и создавались, то уж такие, которые оставляли бы след в сердце француза. Главный мемориал – это Дом инвалидов, в центре Парижа. Здесь в подземном склепе помещены саркофаги: в одном – останки Наполеона, в другом – его сына, который титуловался герцогом Рейхштадтским и вошел в историю под именем Орленок. Подарила его императору австрийская принцесса Мария-Луиза. Вся Франция, по крайней мере ее взрослое население, знакома с этим достопримечательным местом. Есть монумент еще и на родине Наполеона – на острове Корсика. Его я не видел.

Не могу забыть французской женщины, которая одновременно с нами осматривала два саркофага в Доме инвалидов. Рядом с ней стоял сын-подросток. Моя жена спросила ее:

– Что вы думаете сегодня о Наполеоне и о его походе на Россию?

Та ответила с подкупающей откровенностью и простотой:
– Хоть и стал он великим человеком, но ошибку совершил тоже великую. Зачем он повел французскую армию против России? Так же поступил и Гитлер, пытаясь подчинить себе вашу страну.

Ответ краткий, но умный. От другого француза мне пришлось услышать такие слова:

– Если бы Гитлер сумел оценить печальный опыт Наполеона, то он, возможно, не предпринял бы авантюру против Советского Союза. А закончилось все для него крахом и нацизма, и фашистской Германии.

Да, тот, кто так говорит, тысячу раз прав.

Прав был и французский министр иностранных дел Шуман. Как-то моя супруга Лидия Дмитриевна задала ему прямой вопрос:

– Как вы относитесь к Наполеону?

Он заявил:

– Наполеона я не люблю.

Ответ, что ни говори, звучал, да и сейчас звучит для всех любителей авантур против нашей страны отрезвляюще.

Часто наши французские хозяева предлагали для осмотра объекты, которые в той или иной степени перекликаются с историей отношений России и Франции. Это вполне оправданно, так как уже сам факт, что между народами двух стран существуют древние связи, в общем-то работает на пользу советско-французских отношений и в наши дни.

Франция помнит Анну Ярославну

Во время одного из моих визитов во Францию в программу пребывания включили поездку в Санлис – небольшой город, находящийся в полусотне километров к северу от Парижа.

Главное, что интересовало и интересует нас, как и многих наших соотечественников, – это то, что с Санлисом связана жизнь Анны, дочери великого киевского князя Ярослава Мудрого. В 1044 году отец выдал ее замуж за Генриха I, и она стала королевой Франции.

Удачно передал колорит той эпохи Киевской Руси драматург Иван Кочерга в драматической поэме «Ярослав Мудрый», за которую он был удостоен Государственной премии СССР. Автор писал ее в годы Великой Отечественной войны, и патриотическая пьеса шла в театрах нашей страны. Анна Ярославна по ходу действия произносит такие слова:

Король французский сватов присылает.
И, если батюшка решит отдать меня,
Посадят Аннушку на доброго коня
И повезут в Париж, где волки завывают,
Как в диких чащах. Улицы грязны,
Дома мрачны, холодны и темны.
Нет там ни лавок, ни портных путящих,

Нет у французского народа
Ни хлеба доброго, ни меда,
Ни осетрины, ни блинов,
Ни наших сладких арбузов.

Да, в те стародавние времена Русь славилась как процветающий край высокой культуры. Недаром скандинавы называли ее Гардариком – «страной городов». Париж XI века по сравнению со стольным градом Киевом был действительно совсем небольшим городом.

Для своего времени Анна считалась весьма образованной женщиной, говорила и писала на нескольких языках, в том числе на греческом, латинском и церковнославянском. Между тем ее супруг – французский король и почти все его придворные оставались неграмотными. Об этом говорят французские источники.

Вскоре после того, как у Анны в 1053 году родился сын Филипп, она в честь этого события построила в Санлисе церковь Святого Винсента, на основе которой впоследствии было создано одноименное аббатство. В настоящее время в нем размещена школа. На портале церкви привлекает к себе внимание и сегодня скульптура изящной женщины в полный рост. Под нею надпись: «Анна русская, королева французская, основательница собора в 1060 году». Это – запечатленный на века образ Анны Ярославны. Мы стояли у этой скульптуры и мысленно говорили:

– Здравствуй, прекрасная землячка.

Лет двадцать назад я посетил в Париже советско-французскую выставку документов, относящихся к истории развития связей между нашими двумя странами. На ней выставилась фотокопия письма Анны своему отцу.

По источникам, которые дошли до нашего времени, ее жизнь на чужбине оказалась несладкой. После смерти в 1060 году Генриха I и возведения на престол малолетнего сына Филиппа I – он властвовал как король Франции до 1108 года – Анна удалилась в Санлис. Спустя некоторое время она стала женой графа Валуа. Но этот брак папа римский признал незаконным. Через пять лет умер и новый супруг.

В письме, копию которого я видел на выставке, Анна обратилась с просьбой к отцу позволить вернуться на родину, в Киев, так как ей тяжело жить среди «дикарей» французов.

Что же произошло дальше? И вот тут источники проявляют удивительный разнбой. Он тем более поразителен, что от Анны последних лет жизни странным образом как бы открещаются исследователи – и во Франции, и в нашей стране.

Средневековые французские историки утверждают, что она уехала в Киев и последние семь-восемь лет жизни прожила там. Поэтому и нет ее могилы во Франции. Об этом, в частности, пишет Ф. Мезере в своей трехтомной истории Франции с древнейших времен до 1588 года. Сам труд вышел в середине XVII века.

Один экземпляр этого трехтомного старинного фолианта

сохранился в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина в Москве. В переводе со старофранцузского текст в нем об Анне гласит:

«Генрих I не имел ни детей, ни жены. Он, понимая собственный немолодой возраст – а было ему 39,– разделял озабоченность своего Совета, который требовал от него наследников для королевства. До него дошли слухи о прелестях княжны, достойной завоевать сердце великого монарха. То была Анна, дочь Ярослава, прозванного Мудрым, князя Руси, называемой нашими современниками Московией. Воодушевившись от одного рассказа о ее совершенствах, он послал в 1044 году епископа де Мо с большим и помпезным посольством, предлагая свою руку.

Его предложение было принято с такими почестями, которые можно адресовать только такому государю. Княжна была передана епископу, который отвез ее во Францию. Бракосочетание отпраздновали со всеобщей радостью, так как все надеялись, что этот брак будет более счастливым, чем брак с первой женой короля – Матильдой.

Однако надежды добрых французов оправдались не сразу: прошло восемь лет, а детей все не было. Франция, прождав так долго счастья, уже начала терять надежду: король был от этого в большом огорчении, а Анна, огорченная еще более, чем он, безутешно скорбела. Перепробовав все существовавшие лекарства, она обратила свои молитвы к небу, уповая на святого Винсента – заступника французов. Анна

почувствовала результаты этого и перед концом 1053 года родила мальчика, которого называли Филиппом.

В признательность Анна построила церковь святого Винсента в Санлисе. У нее было еще двое сыновей – Роберт, который умер до смерти отца, и Гуго, который стал графом де Вермандуа, женившись на наследнице графства. Была также дочь, имя которой не сохранилось, так как она умерла в детстве.

После смерти короля в 1060 году Анна уехала в Санлис, в котором любила жить из-за близости к монастырю святого Винсента. Она прожила там недолго, так как Рауль де Перон, граф де Крепи-и-Валуа, похитил ее и женился на ней. Неизвестно, сделал ли он это с ее согласия. Анне исполнилось тогда всего 34 года.

А так как первая жена графа была еще жива, духовенство отлучило его от церкви за этот брак, который признали незаконным. Однако такие меры не смогли принудить графа расстаться со своей новой супругой, и только его смерть, после пяти лет супружества, разделила их.

Оставшись вдовой во второй раз и, как надо думать, презираемая французами за то, что она, королева, снизошла до такого союза, Анна вернулась в свою страну, где прожила еще семь или восемь лет»³.

³ *Mezeray F.F., du. Histoire de France depuis Faramond jusqu'a maintenant. Paris. Chez Mathieu Guillemot, rue Saint Jacques, 1643. P. 399 (перевод со старофранцузского В. Кожемякиной).*

Однако вопрос о том, где закончила свои дни знаменитая дочь Ярослава, нельзя считать решенным. В этом отношении наблюдается весьма любопытная особенность.

Большинство источников, которые датируются первыми шестью столетиями после смерти Анны, утверждают, что она закончила свой жизненный путь в Киеве. Об этом же пишет и такой советский специалист по Киевской Руси, как профессор С. Высоцкий⁴.

Однако, чем ближе к нашему времени, тем больше историков в последние триста лет считают, что Анна Ярославна умерла во Франции. «Она предпочла остаться во Франции, чем вернуться в свою страну»⁵, – утверждал в 1816 году известный французский историк Дюрдан в своем пространном труде об истории России со времен Рюрика, посвятив Анне Ярославне лишь два небольших абзаца.

Большинство советских историков тоже считают, что Анна закончила свою жизнь во Франции и на Русь не возвращалась. Стоит заметить, что наиболее осторожные из них вообще обходят этот вопрос. Например, такой весьма авторитетный историк, как академик Б.Д. Греков, в своей книге «Киевская Русь» выделил специальный раздел «Киев и Франция» в главе «Киев и Западная Европа при Ярославе».

⁴ Курьер ЮНЕСКО, 1982. Май. С. 23.

⁵ *Durdent J.-R.* Epoque et faits memorables de l'histoire de Russie, depuis Rurik, fondateur de cet empire, jusqu'a Alexandre I. Paris, a la librairie d'education d'Alexis Eymery, 1816. P. 20–22.

В нем всего шесть с половиной строчек, где говорится о ее двух браках, о сыне Филиппе – короле Франции, о том, что она собственноручно подписывала французские документы, и ни слова о ее дальнейшей судьбе. Может быть, такое отношение в некоторой степени оправдывает замечание самого академика в начале главы о том, что сюжет ее «не разработан как следует» и «помещаются только самые общие сведения, дающие лишь контуры международного положения Киевской Руси»⁶.

Напомню, что у нас, в Советском Союзе, создан кинофильм «Ярославна – королева Франции». В нем рассказывается о том, как Анна Ярославна уезжает во Францию, и ничего – опять, полагаю, под влиянием наших историков – о ее возвращении в Киев.

Есть, наконец, в исторической науке и еще одна – пожалуй, полуфантастическая – версия. Ее придерживается исследователь Д.Д. Кулинич, утверждая, что Анна, возвратившись в Киев и встретив там из-за происходивших между сыновьями Ярослава междоусобиц плохой прием, вернулась вновь во Францию⁷.

Пишется так, будто путешествие королевы по Европе XI века было легкой увеселительной прогулкой. Будто и не было в те далекие времена кровавых и частых войн, разбойных нападений грабителей, множества диких зверей в густых ча-

⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 486, 488–489.

⁷ Вопросы истории. 1967. № 2. С. 218.

щобах. А ведь такое путешествие длилось обычно несколько месяцев.

Итак, ни во Франции, ни на Руси могила Анны не найдена – загадка окончательно не решена.

Правда, в 1825 году во Франции вышел сборник документов об Анне Ярославне⁸. Их собрал и предпослал им предисловие князь Лобанов-Ростовский, любитель французской старины.

Он со ссылкой на французских авторов тоже пишет о том, что Анна «вернулась в Россию». А затем заявляет, что в 1682 году некий отец Менестрье обнаружил ее могилу в церкви аббатства Вилье, неподалеку от Парижа. Эта точка зрения просуществовала почти век, а потом ее поставили под сомнение: новые исследователи стали утверждать, что эта гробница – просто памятник, воздвигнутый в честь королевы, что-то вроде того, который существует в Санлисе.

Однако сам Лобанов-Ростовский поддержал гипотезу Менестрье о том, что памятник вдове Генриха I является гробницей Анны Ярославны. Вот что при этом любопытно: с тех пор – а прошло уже более полутора столетий – никто из историков категорически не утверждал, что могила Анны находится во Франции, никто всерьез не воспринимал ни «находку» Менестрье, ни догадки князя Лобанова-Ростовского.

⁸ Recueil de pieces historiques sur la reine Anne, ou Agnes, épouse de Henri I, roi de France, et fille de Jaroslav I, grand duc de Russie; avec une notice et des remarques du prince Alexandre Labanoff de Rostoff. Paris, 1825 (перевод с французского Н. Масловой, с латыни – А. Козаржевского и Д. Дрбоглава).

В этих условиях, видимо, и я могу высказать свое суждение по этой проблеме, тем более что любой научный интерес к отношениям между нашей страной и Францией уже сам по себе заслуживает внимания.

Французские источники той поры – речь идет об XI веке – не могли не зафиксировать смерть такой личности, как королева Франции. А Анна для своего времени считалась личностью незаурядной. Она не только являлась королевой – женой французского короля, но была одно время и королевой-регентшей, подписывая все государственные документы за малолетнего сына. Так неужели ее смерть во Франции обошли бы молчанием историки тех лет, не оставив потомкам даже никакого следа о том, где ее могила?

Специалистам во Франции я задавал вопрос:

– Неужели нет никаких свидетельств того, что Анна Ярославна умерла во Франции?

– Нет, – отвечали они, – мы таких свидетельств не знаем.

Таким образом, хотя и существуют две версии последних лет ее жизни, есть основания считать, если со временем не обнаружатся убедительные данные противоположного характера, что более правдоподобен вариант возвращения Анны в Киев. А то, что следов и письменных источников не сохранилось, объясняется весьма просто. Деревянный Киев несколько раз горел, подожженный завоевателями, и немудрено, что до нас, в двадцатый век, не дошли детали событий одиннадцатого... В пользу Киева остается еще один, и

весьма немаловажный, фактор – свидетельства средневековых историков, которые по времени жили ближе к Анне, чем историки последних столетий.

Гид, дававший пояснения, отмечал, что королева Анна оставила о себе добрую память.

Впечатлениями, вынесенными от посещения Санлиса, я поделился со своими французскими собеседниками, не преминув подчеркнуть:

– Вот видите, какие давние связи между Россией и Францией. А жизнь и деятельность во Франции дочери великого русского князя – прекрасное подтверждение этого.

Полушутя, полусерьезно с обеих сторон мы высказывали убеждение в том, что наши предки – и русские, и французские – понимали значение связей между двумя народами, а что касается упреков Анны по адресу французов, то это, как говорится, «преданье старины глубокой».

Петр I в Париже

Хозяева-французы спросили:

– Не хотели бы вы ознакомиться с тем, что оставил потомкам после своего визита в Париж Петр I?

Я сказал:

– Постараюсь, если смогу найти для этого время.

С интересом я узнал и по рассказам хозяев, и после осмотра ряда достопримечательностей Парижа о некоторых фактах, связанных с пребыванием Петра I во французской столице.

Стремясь к скорейшему окончанию Северной войны, недовольный медлительностью «холодных друзей» – своих союзников Дании и Саксонии, Петр предпринял смелую попытку сблизиться с Францией, которую связывал со Швецией союзный договор.

Используя сложное положение, в котором оказалась в то время Франция, – неудачная война за испанское наследство, неустойчивое положение регента Филиппа Орлеанского внутри страны, – Петр, находясь весной 1717 года в Голландии, сделал предложение Парижу о сближении. Получив благоприятный ответ, он в конце апреля того же года отправился во Францию.

Встреченный настороженно, Петр блестяще сумел растопить лед парижских салонов и вызвать к себе и России жи-

вой интерес, даже симпатию. Он встречался с королем Людовиком XV, которому в то время исполнилось всего семь лет и за которого впоследствии Петр хотел выдать свою дочь Елизавету.

Во время почти двухмесячного пребывания российского царя в Париже велись интенсивные переговоры о заключении договора о дружбе с Францией и Пруссией. Из-за задержки с получением полномочий прусским посланником этот договор подписали только в августе 1717 года в Амстердаме.

Весьма актуально и сегодня звучит цель договора – «мир и безопасность в Европе». Слова вполне современные.

В Париже Петр жил в снятом в аренду частном особняке, отказавшись от приготовленной ему резиденции в Лувре. И это отражало манеру поведения русского царя, его стиль. Явно сдержанное отношение проявил он к участию в разного рода официальных церемониях, приемах и балах, зато с огромным интересом посещал мастерские ремесленников, мануфактуры, лаборатории ученых.

Царь ознакомился с обсерваторией, комнатой планов (географических карт) и обещал содействовать налаживанию сотрудничества русских и французских картографов. Во время посещений Академии наук в Париже он подолгу беседовал с видными учеными. За его глубокий интерес к наукам Петра избрали почетным членом этой академии, что стало событием неординарным.

Такие черты Петра, как его неумная тяга к новому, деловитость, простота в общении, привлекали внимание французов. Тогда они удивлялись и, согласно источникам, говорили друг другу:

– Вот это монарх!

Провинциальная «Бастилия» и Компьень

В один из визитов во Францию хозяева предложили нам совершить поездку в юго-западную часть Нормандии для осмотра аббатства Мон-Сен-Мишель, являющегося памятником французской средневековой архитектуры.

Оно расположено на небольшом скалистом острове, который соединен с материком дамбой длиной в 1800 метров. Это аббатство, построенное орденом бенедиктинцев в XII–XV веках, окружено мощными крепостными стенами и бастионами, взять которые приступом в Средние века не смог никто.

Как и многие другие знаменитые замки, крепости, соборы, Мон-Сен-Мишель превратили в своего рода провинциальную «Бастилию». На протяжении первой половины XIX века в его зданиях размещалась тюрьма, которая, между прочим, держала в своих каменных объятиях и Луи Огюста Бланки, известного революционера-бунтаря.

Живописное местоположение и интересное историческое прошлое позволили Мон-Сен-Мишелю стать достопримечательностью на северо-западе страны. Хотя признаюсь, что я наряду с живыми впечатлениями от этого уголка Франции увез и определенную долю грусти, которую навевают и каменные громады стен, и мрачный остров, и особенно рас-

сказанные нам суровые и правдивые истории из прошлого Мон-Сен-Мишеля. Впрочем, эта крепость – не исключение во Франции.

Прочно в историю французского государства вошел город Компьень. Близ него, в Компьенском лесу, 11 ноября 1918 года страны Антанты – Франция, Великобритания, США и другие – подписали перемирие с Германией, потерпевшей поражение в Первой мировой войне. Под актом о перемирии поставили свои подписи главнокомандующий французскими войсками маршал Ф. Фош и полномочный представитель Германии М. Эрцбергер. Эта церемония состоялась в железнодорожном вагоне.

22 июня 1940 года в Компьене, причем в том же вагоне, подписали и другое перемирие. Только на сей раз Франция и Германия поменялись ролями. На основе нового перемирия и при содействии коллаборационистского режима Виши фашистская Германия в течение четырех лет хозяйничала, а точнее, бесчинствовала на французской земле. Лишь с освобождением Франции в 1944 году Компьенское перемирие автоматически прекратило свое действие.

За день до подписания этого перемирия французскую делегацию в том же вагоне принял Гитлер. Гитлеровцы оформили и пропагандистски обыграли всю церемонию так, чтобы специально унижить Францию и французов. Затем нацисты вывезли вагон в Германию и в 1945 году намеренно уничтожили его.

По окончании Второй мировой войны вагон, связанный с компьенскими переговорами, воссоздали в прежнем виде на старом месте. Мне привелось осмотреть это место, побывать в вагоне. Гид уверял, что все вокруг идентично той обстановке, в которой подписывались оба акта. Особенно вагон – его не могут забыть ни французы, ни немцы.

Кстати, Компьень, который когда-то служил резиденцией (разумеется, одной из многих) французских королей, знаменит и тем, что здесь в 1430 году бургундские бароны взяли в плен народную героиню Франции Жанну д'Арк. Уже одно это придает Компьеню налет своеобразной, хотя и грустной, романтики. Не забывают французы и о том, что в Компьенском замке бывал Наполеон.

Слово, с которым француз неразлучен

Мне удалось побывать в таких городах Франции, как Марсель, Лион, Бордо, Дижон. Это – крупные промышленные и культурные центры, дыхание которых можно почувствовать уже за несколько десятков километров, когда путешествуешь на машине и подъезжаешь к ним.

Каждый из них имеет свое лицо, но это относится прежде всего к старой, исторически сложившейся части города. И в то же время в их внешнем облике имеется много сходства с другими большими городами в экономически развитых странах. Особенно это заметно в тех кварталах и районах, которые были построены за последние два-три десятилетия.

И все же, где бы вы ни очутились во Франции, даже в самых глухих ее уголках, вам непременно доведется многократно, буквально сотни раз услышать слово «Париж». Наверно, можно сказать, что с этим словом француз неразлучен. С ним он просыпается утром, с ним он отходит ко сну вечером.

Да, французы горячо любят свою столицу. Париж – их история, гордость и слава. Конечно, они могут себе позволить и нелестно отозваться о Париже, когда им нужно сказать крепкое словцо по адресу властей. Ведь их тоже олицетворяет

столица.

Только после девяти вечера французы меньше говорят о Париже, видимо, просто потому, что в это время даже в больших городах опускаются жалюзи на окнах либо их плотно зашторивают. Это касается и самого Парижа. Бодрствует в нем лишь Латинский квартал. Но французы считают, что этому уголку столицы и звезды предсказывали танцевать, играть, веселиться всю ночь, а там – как бог даст. На то есть простое объяснение. Публика здесь в основном – студенты и люди «свободных профессий».

Сколько раз ни бывал во Франции – и с официальными визитами, и проездом, – я никогда не переставал удивляться, как умело французы сбалансировали разные стороны жизни с учетом того, что людям, когда они не работают, нужно уметь и предаваться тихому раздумью, и шумно развлекаться. Конечно, делается это по формуле «каждому – свое», в зависимости от социального положения, образования и личных интересов.

Французы – это французы, всегда и везде. Когда приходится наблюдать тысячи людей, будь то на митингах, стадионах, улицах, или двух, ведущих между собой беседу, то прежде всего бросается в глаза их подвижность и какая-то своеобразная легкость.

В повседневном общении французы – люди, как правило, корректные и предупредительные. Но если кто-то вольно или невольно переступит границу такта, а тем более заденет

самолюбие француза, то получит отпор, хотя, может быть, и витиеватый по словам.

Часто говорят, француз – это эталон вежливости и обходительности. Я бы в общем согласился с таким утверждением.

Каждый раз, попадая в Париж, я старался хотя бы в машине проехать мимо букинистов на набережной Сены. А когда это не удавалось, то у меня оставалось впечатление, что я не увидел чего-то интересного, занимательного. А ведь вроде и ничего особенного там нет. Просто стоят торговцы, рядом лежат издававшие виды книги, тут же выставлены для продажи старые гравюры и офорты.

В книжном развале на набережной Сены люди, увлекающиеся книгой, особенно коллекционеры редких изданий, могут найти немало того, что привлекает их внимание.

Набережная Сены с ее лавчонками и киосками притягивает к себе не только французов, но и иностранцев. На каких языках тут только не говорят. Создается впечатление, что попадаешь в своего рода «языковый интернационал». Хотя, естественно, преобладает французский язык.

Люди здесь не толпятся. Обычно чинно прогуливаются вдоль набережной преимущественно в одиночку или парами. Если отвлечься от умеренного шума транспорта, то можно считать, что стоит тишина. Те, кто разглядывает и выбирает книги или картины, говорят негромко, вполголоса. Так же спокойно ведут себя и продавцы. Отвечают они на вопро-

сы покупателей не только со знанием дела, но и с важностью маститых профессоров. Многие из них и в самом деле образованные люди.

Одним словом, букинисты – это неплохая выдумка. Собственно, никто специально ничего и не выдумывал. Сложилось это явление само собой. Какие-то спонтанные культурные потребности людского моря в большом городе вызвали к жизни этот уникальный торговый ряд букинистов в центре Парижа, на берегу Сены.

Обратил я внимание еще на одну красочную картинку на набережной Сены. Часто здесь можно видеть рыболовов. Запомнился один: на нем брезентовая накидка, сапоги и рыбацкий шлем. Закинув удочку в реку, он сидит и часами ожидает клева. А клев в центре города – это, конечно, событие.

Набережная возвышается над поверхностью реки метров на пять-шесть. Ни одна капля воды не падает на рыбака, если, разумеется, не идет дождь. Но он одет в водозащитный костюм.

Кое-кто не прочь пошутить над рыбаком-фанатиком, выразить недоумение.

– Ну зачем, скажите пожалуйста, вам такая одежда? Зачем вам ловить рыбу там, где ее почти нет?

Рыбак же в свою очередь удивлен тем, что над ним посмеиваются.

Похоже на то, что обе стороны в чем-то правы.

А вообще, почему бы человеку и в самом деле не отдох-

нать, взирая на водную гладь Сены? Почему бы на какое-то время не отвлечься от городского шума и суеты, а может быть, от тревожных мыслей?

Конечно, набережная Сены контрастирует с Монмартром и его развлечениями, вовсе не предназначенными для того, чтобы настраивать человека на серьезный лад. Зато там, на Монмартре, созданы условия для буйного проявления некоторых сторон души тех молодых людей, которые либо не знают, как управлять своими эмоциями, либо не хотят ими управлять. Они живут в ночное время по правилу: погуляю, а остальное – трын-трава. В числе завсегдатаев этого района, как говорят знатоки, можно встретить немало людей, которые сорят деньгами, не обращая внимания на их количество. Оно и понятно: подобное времяпровождение требует не только солидных запасов энергии, но и туго набитого кошелька.

Бесшабашное веселье Монмартра и солидная степенность набережной Сены соседствуют в одном городе. Противоречие? Да. Но и оно – часть жизни французской столицы, о чем, кстати говоря, хорошо и убедительно писал талантливый советский журналист Юрий Жуков, который известен и как политический обозреватель «Правды».

Париж, несомненно, город приветливый и красивый. Хотя его голова покрыта сединами, он тем не менее всегда молодой.

Если взять послевоенный период, то с Францией у нас

временами складывались в полном смысле слова дружественные отношения. И это несмотря на то, что заключенный в свое время с нею политический договор потерял свое значение в связи с ее приобщением к блоку НАТО, а также в связи с курсом Запада, направленным на ремилитаризацию Западной Германии.

Всплеск добрых отношений пришелся и на то время, когда у кормила власти находился де Голль. Это сказалось и на всей политической атмосфере и на деловых советско-французских связях. Ощущалось потепление и на контактах между людьми. Чувствовалось это и тогда, когда во главе советского руководства стоял Н.С. Хрущев.

Самым серьезным образом в Москве обдумывался вопрос о том, чтобы в отношениях с Францией найти какую-то броскую форму контактов, может быть, даже такую, какой не было у нас ни с одной другой капиталистической страной Запада. Вспоминается такой эпизод.

В беседе со мной как с министром иностранных дел СССР Хрущев говорил:

– Надо обдумать все это в конкретном плане. Почему, например, мы не можем повернуть дело таким образом, чтобы в советских семьях жили молодые французы или француженки. Допустим, во время обучения в институте или другом учебном заведении? То же самое можно сделать и по отношению к нашим молодым людям: пусть поживут и поучатся во Франции. Ничего невыполнимого тут нет. Нужно толь-

ко, чтобы оба правительства взялись за дело и разъяснили людям полезность такой меры.

На первый взгляд получалось довольно логично. История ведь знала такие периоды, когда в России французы и француженки буквально наводняли столицу и не только ее. Жили они и в семьях, правда, чаще всего в роли учителя, гувернера или гувернантки. Привилегиями «заполучить» такого иноземца пользовались помещики и представители буржуазии, да и «удовольствие» это само по себе оказывалось очень дорогим. Теперь нечто подобное, только в совершенно ином виде, задумывалось как акция, которая должна пойти на пользу широким слоям населения и развитию добрых отношений между странами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.